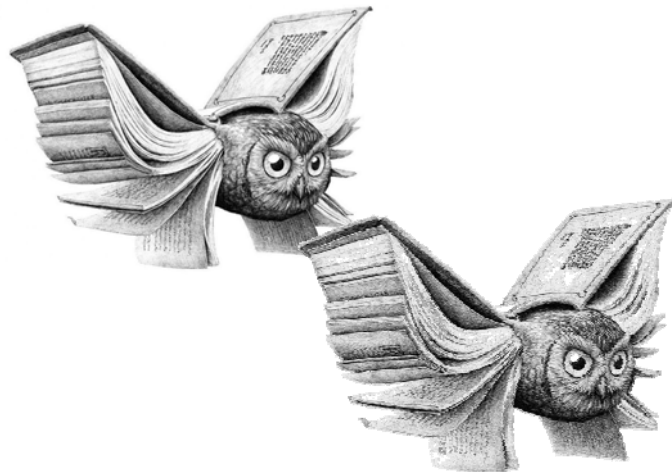

№ 1 2022

СОФИЯПОЛИС

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ: АРХИВЫ ТЬМЫ

Электронный научный журнал
гуманитарных исследований

Редакционный совет

Арапова Э.Б. – кандидат философских наук, доцент Академии государственного управления при Президенте Кыргызской Республики

Бернюкевич Т.В. – доктор философских наук, доцент кафедры истории и философии Национального исследовательского Московского государственного строительного университета

Иванова Ю.В. – доктор философских наук, профессор кафедры теории и истории культуры, искусств и дизайна Забайкальского государственного университета

Нестеров А.Ю. – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и истории Самарского национально-исследовательского университета им. академика С.П. Королева

Рид Алекс – докторант Нюрнбергского университета, геронтолог Arbeiterwohlfahrtsverband (Ассоциация социального обеспечения работников), Мюнхен, Германия

Павлов А.В. – доктор философских наук, профессор, Тюмень

Главный редактор

Крылов Д.А. – доктор философских наук, президент Забайкальской гильдии политологов и социологов, руководитель школы "Новые софисты", координатор проекта "София-Шекина"

Редакционная коллегия

Горковенко А.Е. – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Забайкальского государственного университета

Романов И.А. – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Забайкальского государственного университета

Черняк Е.Г. – директор Образовательного центра дополнительного обучения ЧОУ ДПО "ИнтегРА", старший преподаватель кафедры международного права и международных связей Забайкальского государственного университета

Янков И.В. – кандидат философских наук, независимый исследователь (г. Екатеринбург)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА	3
Крылов Д.А. Парадокс империи зла: «Новый Палпатин»	7
Крылов Д.А. Метавселенная для тирана	93

ОТ РЕДАКТОРА

Не прошло, как говорят, и года, когда было принято решение изменить формат журнала. Теперь это, скорее, серия журналов под общим названием. Проблема очевидна, – публикационный вал и спускаемые сверху показатели на соответствие квартили перевели проблему в разряд масштабного абсурда. Бюрократический театр абсурда и авторитарная власть сделали свое дело. Мавр умыл руки и устроился поудобнее, предвкушая научный прорыв, полагая, что количество как бы научных работ раньше или позднее перейдет в качество.

Что происходит? Как говорил покойный генерал Александр Лебедь: «В России веками продолжается синдром динозавра: пока сигнал от маленькой и часто безмозглой головы извилистыми путями дойдет до хвоста, его уже откусили и съели. А голова все равно продолжает поворачиваться, так как сигнала в обратную сторону не предусмотрено вообще». Ему же приписывается и другая фраза: «Глупость – это не отсутствие ума, это такой ум».

Но если мы вспомним высказывание Фрэнсиса Бэкона о том, что «знание – это сила», то получится полная несуразность. Хотя, если не вырывать фразу из контекста рассуждений мыслителя, то узнаем, что писал он в данном случае вовсе не о науке, а о борьбе с ересями. Притом что ему самому была известна «кухня политики», где каждый мойщик кухонной посуды стремился стать шеф-поваром. Красноречивее и не скажешь:

«Льстить, лицемерить, лгать, угождать –
Вот, Джонни, пути, чтобы здесь процветать!
Коль рабство такое не по тебе,
В деревню, домой возвращайся к себе!»

(Из письма Бэкона брату Энтони)

Понятно, что при таком раскладе ум тратится не на достижение некоего общественного блага, а на борьбу с себе подобными карьеристами. Их

способности к познанию вообще не имеют практического значения, так как они готовы «браться» за любое дело. В итоге мы получаем всё возрастающую генерацию тех, кого следует называть худшими или плохими. Их проникновение в систему управления государством из-за роста его бюрократизации давно превратилось в род смертельного заболевания. Не случайно Герман Оберт обозначил какократию в качестве врага № 1. В качестве примера насыщения властных структур негодьями, приведшими государство к гибели, он называет историю Древнего Рима. Здесь огромные размеры империи породили фактически неограниченную власть какократии и как итог, – к закату и падению могущественного государства.

Кто в этом сомневается, то стоило бы вспомнить совсем недавнюю историю с закатом и распадом Советского Союза. Если бы речь шла о талантливых и продвинутых сторонниках идей коммунизма, то никакие враги не смогли бы подвести черту под существованием целой Империи. А какократы продолжают себя чувствовать вполне сносно и сегодня, благо, что в их распоряжении по-прежнему целая страна. Принимают они, соответственно, дурные законы, и, в частности, породив наукоценоз вместо настоящей науки. Ученые в стойлах наукометрии не размножаются, но их легко считать. Поэтому и побег из этого «бюрократического рая» оказывается почти единственным способом обрести творческую свободу, перестать быть частью стада, став членом более развитого сообщества.

Замечу, что именно такие сообщества и предлагает западный мир, где формируются качественно иные отличные от авторитарных иерархических отношений формы коммуникаций. В закрытых обществах в этом видят прямую угрозу основам существующего мироздания, где нет места для рефлексии и сомнениям. Выстроенные в парадигме господства и подчинения отношения лишены гибкости и купируют любую возможность обратной связи. Поэтому и принимаемые верхами или их статусными слугами решения даже будучи заведомо ошибочными не подлежат обсуждению, а вина за провал возлагается на внешние силы и их пособников. В лучшем случае

очередного бывшего фаворита накажут или отберут у зарвавшегося чиновника непосильно нажитым трудом богатства. Ошибочные же решения правителей вообще требуют времени для их оценки, как правило, не раньше их физической смерти.

Теперь немного о первом отдельном выпуске «Софияполиса», посвященном политическим наукам. Здесь имеется некое расширение, – «Архивы Тьмы». Можно признать, что это некий художественный прием, призванный привлечь читателя. Вместе с тем, это и попытка предложить квинтэссенцию того явления, с которым каждому из нас приходится ежедневно иметь дело. Здесь всё иначе и не перегружено мистикой, призванной напустить туман. Поэтому сошлюсь на некие вполне реальные события, благодаря которым и родилось данное расширение проблемного поля.

В июне 2021 года уже во второй раз Владимир Путин участвовал в открытии памятника императору Александру III. Первый раз это случилось в 2017 году в Крыму, а теперь в Гатчине, где глава государства сказал следующие слова: «Сегодня, в бурном, динамичном XXI веке, когда изменения затрагивают все сферы жизни, нам важно сохранять историческое, культурное, духовное наследие России. Ценности, которые объединяют наш народ. И потому будем запускать новые современные просветительские проекты, уделять особое внимание патриотическому воспитанию молодых людей. Такие начинания, в том числе со стороны Российского исторического и военно-исторического обществ, обновленного общества "Знание", обязательно получают поддержку. И пусть памятник, который мы открываем, станет еще одним символом восстановления преемственности времен и поколений. Потому что идти вперед, уверенно развиваться, достигать новых вершин можно, только опираясь на уважение к своему прошлому, к своим выдающимся предкам, которые верно служили нашему народу и России». И если забыть об оценках действий российского самодержца, то как бы и возразить то нечего.

Придя к власти в 1881 гду Александр III, прозванный Миротворцем, не вверг страну ни в одну войну, не мешал росту экономики, но свернул политические реформы и проводил политику непримиримой боьбы с любым проявление инакомыслия. Именно во времена его царствования широко применялась практика внесудебных решений, когда людей высылали «за вредный образ мысли» или «сомнительное поведение». Репрессивный аппарат получил возможность не ограеичивать свои действия разного рода либеральными сентенциями и призывами к человеколюбию. Педагог и публицист Н.Ф. Бунаков писал, что «ужасы России в 80-х годах немного отстали от ужасов царствования Иоанна Грозного». Хотя с этой практикой власть предержажие не расставались никогда и эпоха Иосифа Сталина лишь вершина возможностей деспотического режима.

Так, о сохранении этой традиции упоминал Владимир Путин, а может быть, он вспомнил про знаменитый циркуляр 1887 года «о кухаркиных детях», который закрывал доступ в гимназии детей из простонародья? Или проснулась ностальгия по «Временным правилам о печати» 1882 года, приведшего к карательной цензуре, запрету газет и рукописей, подозреваемых в либерализме изданий? Признать, что в итоге данная политика привела к росту противоречий, бунтам и революции, с которыми даже самыми суровыми запретами и репрессиями было уже не справиться, сторонники исторического и политического наследия не могут. Они готовы в тысячный раз возвращаться на круги своя. Вот только то, к чему они пытаются вести, выглядит продолжением идеи, высказанной о режиме Александра III писателем и литературоведом Владимиром Гиляровским:

В России две напасти:
Внизу – власть тьмы,
А наверху – тьма власти.

Собственно говоря, именно в этом аспекте и предлагаются публикации, посвященные политическим наукам.

Главный редактор «Софияполис» Дмитрий Крылов

Д.А. Крылов
доктор философских наук,
профессор кафедры международного права и международных связей,
Забайкальский государственный университет, Чита
E-mail: dmdak@yandex.ru

D.A. Krylov
Doctor of philosophical Sciences,
Professor of the Department of International Law and International Relations,
TRANS-Baikal state University, Chita
E-mail: dmdak@yandex.ru

ПАРАДОКС ИМПЕРИИ ЗЛА: «НОВЫЙ ПАЛПАТИН»

Аннотация: В статье, написанной по аналогии с сюжетом из франшизы «Звездные войны», автор проводит параллель с ситуацией возникшей в мире в середине 10-х и обострившейся в начале 20-х годов XXI столетия. На фоне отката «третьей волны» демократизации, авторитарные режимы принялись активно отвоевывать утраченные позиции. Реставрация политического тела типа «Империя» привела мир на грань глобальной катастрофы. Россия стала страной-плацдармом для непосредственных атак на демократическое устройство мира с целью установления «Нового порядка». Этому во многом, как считает автор, способствовало то, что были сохранены охранно-репрессивные структуры. Являясь частью традиционного восприятия власти как самодержавия, эти структуры не только обеспечивают легитимность власти, но и обладают собственной укорененностью в массовом сознании. Предтечей этих структур стали опричники Ивана IV, «изводившие государеву измену» и получившие прозвище «кромешники». Именно они соединили в себе физическое и метафизическое зло, очищенное от сострадания насилие.

Ключевые слова: Империя зла, силы зла, антидемократия, орден кромешников – ситхов, реставрация абсолютизма.

THE PARADOX OF THE EVIL EMPIRE: "THE NEW PALPATINE"

Annotation: In an article written by analogy with the plot from the Star Wars franchise, the author draws a parallel with the situation that arose in the world in the mid-10s and escalated in the early 20s of the XXI century. Against the

background of the rollback of the "third wave" of democratization, authoritarian regimes began to actively regain their lost positions. The restoration of the "Empire" type of political body has brought the world to the brink of a global catastrophe. Russia has become a springboard for direct attacks on the democratic structure of the world in order to establish a "New Order". According to the author, this was largely facilitated by the fact that the security and repressive structures were preserved. Being part of the traditional perception of power as autocracy, these structures not only ensure the legitimacy of power, but also have their own rootedness in the mass consciousness. The forerunner of these structures were the oprichniks of Ivan IV, who "harassed the sovereign's treason" and received the nickname "kromeshniki". It was they who combined physical and metaphysical evil, violence purified from compassion.

Keywords: The Empire of evil, the forces of evil, antidemocracy, the Order of the kromeshnikov – Sith, the restoration of absolutism.

Введение

При особом желании всегда можно найти некие аналогии, т.е. подобия, описание происходящего как уже имевшего место. Некоторые описания как бы лежат на поверхности, скажем, активно используемый в наши дни «1984» Джорджа Оруэлла и иные антиутопии. Но этот образец описания условной реальности – плод ума писателя, пришедшего к пониманию природы темного сознания людей, их неспособности к преодолению навязанного сверху бытия. Сказывается здесь то, что люди в своих действиях не оригинальны. Они не ищут нового, а довольствуются готовым и привычным. Созданный мир языка служит, в первую очередь, простым формам коммуникаций, и лишь во вторую, более сложным процессам переработки полученной информации. По этой причине они не стремятся утруждать себя интеллектуальными изысканиями. Верования подменяют им данную эволюцией способность к познанию. Поэтому все разговоры о продолжающемся доминировании пралогического мышления, архаики и отсталого сознания, и не доходят до адресата. Остается лишь путь нарративов или рассказов, способных вызвать в людях те или иные реакции, но упаси думать, что они начнут размышлять

самостоятельно. Поэтому и нам приходится идти по этому пути, то есть пути аналогий.

Итак, давным-давно, в далекой, далекой галактике...

1. Орден кромешников

Кромешники в тафьях и власяницах
Послушными являлись чернецами,
А грозный царь игуменом смиренным.
А.С. Пушкин «Борис Годунов»

Первым, кто использовал понятие «кромешники», был князь Андрей Курбский, назвавший так царских опричников [Переписка, с. 170]. Исходное понятие «опричь» он дополнил отсылкой к тому, что эти люди служили тьме. Ужасы злодеяний опричников, действовавших по распоряжению Ивана Грозного, описал авантюрист Генрих Штаден, сам оказавшийся в их рядах: «После этого великий князь отправился в путь со своими опричными и сжег по стране все вотчины, принадлежавшие этому Ивану Петровичу (один из верховных бояр в земщине Иван Петрович Челяднин – *Д.К.*); церковные деревни были сожжены вместе с церквями и всеми иконами и убранством, какие там были внутри. Женщинам и девушкам приказали раздеться догола и пустили по полю ловить кур. Они <опричные> учинили в стране большие бедствия и многих также тайно убили. <...> После того великий князь вошел в город Тверь и приказал грабить все, и церкви, и монастыри и лишать жизни всех пленных и своих собственных людей, которые породнились и подружились с чужеземцами. Поскольку <река была покрыта> льдом, всем мертвым отсекали ноги и спускали под лед в речку Волгу. Затем в городе Торжке произошло то же самое. Там не пощадили ни одного монастыря или церкви» [Штаден, с. 101, 113].

Разумеется, доверять «барыге и вралю», как его характеризует сторонник опричнины и постоянный член Изборского клуба Андрей Фурсов, нельзя. Отрицание любого негативного описания событий, людей, образа

жизни россиян и их правителей, правило, которому следуют все защитники страны с особым цивилизационным предназначением. Поэтому, даже если и творилось здесь зло, оно имело оправдание и никак не походило на то, что творилось в Европе: «За время опричнины было пролито немало крови – особенно по сравнению с правлением Василия III. Однако по сравнению с тем, что творили современники Грозного царя в Западной Европе – Карл IX во Франции во время религиозных войн (Варфоломеевская ночь и другие погромы), Генрих VIII и Елизавета I в Англии, герцог Альба по приказам испанского Филиппа II в Нидерландах – действия Ивана IV выглядят весьма и весьма умеренно. О злодеяниях западных королей и королев критики Ивана IV, как западные, так и отечественные, почему-то не вспоминают, а ведь всё познаётся в сравнении. Позиция западных пропагандистов разных веков понятна: им нужно очернить Россию, русских и их царя и обелить себя – одним из качеств западной цивилизации является фантастическая самоопология, изощренное самооправдание, умение табуизировать неприятные темы (инквизиция, религиозный террор, колониализм и др.). Менее понятна позиция местных автофобов, раздувающих до вселенских масштабов то, что не идет ни в какое сравнение с социальными преступлениями западных верхов и не выходит за рамки статистической ("аристотелевской") нормы. Я уже не говорю о том, что становление центральной власти повсюду в Европе во время кризиса "длинного XVI века" (1453–1648 гг.) протекало с кровью, и русские "потoki" были, пожалуй, одними из самых малых» [Фурсов].

Довольно пространное сравнение, если не видеть, что в случае с Иваном IV никакой речи о столкновении идей или религиозных воззрений речи не шло. Налицо было проявление ничем не ограниченного самовластия и личной прихоти. Ведь сам А. Фурсов восхищается изобретением грозным царем опричнины – «властного гиперболоида», самого успешного властного инновационного проекта. Он же проводит аналогию с созданной большевиками чрезвычайной комиссией – ЧК, выполнявшей те же функции,

«служить царю и искоренять крамолу, кусая врагов царя, подобно псам, и выметая измену из страны».

Царь здесь рассматривается в качестве сосредоточия всех смыслов и представлений, космократор бытия. Ведь отождествленный с высшим замыслом, миссией, правитель перестает восприниматься как просто жестокий тиран или сумасброд. Отныне он носитель идеи грядущего торжества света и спасения мироздания. Он ревностный служитель Бога, наделенный санкцией на насилие и убийство людей, и одновременно объект для поклонения. Об этой тенденции в русской истории писал, в частности, секретарь посольства императора Леопольда I в Россию Иоганн Георг Корб, указавший, что московиты повиновались своему государю как рабы, а не как подданные [Корб, с. 217]. Аналогичную точку зрения можно обнаружить у маркиза де Кюстина, описавшего рабское поведение царедворцев по отношению к царю и признание теми всех остальных ниже себя стоящих за рабов [Кюстин, с. 20].

Государь в этой парадигме единственный и подлинный господин, а все остальные находятся в услужении ему. Поэтому и требуется уничтожение или прореживание родовой знати, превращение ее в рабов. Иван IV прямо пишет о праве управлять по своему разумению теми, кого по божьему установлению он считает своими рабами [Переписка, с. 149]. Всех же, кто противен его воле, он считает еретиками и собаками, достойными самого сурового наказания. И в этом, представляется, обнаруживается проклятие исключительности, приверженность темной стороне человеческой психики. Появление инструмента или тех, кто будет слепо исполнять волю правителя, это лишь вопрос времени. И все рассуждения о «наведении порядка» служат не пониманию сути происходившего, а поддержанию идеи, направленной на оправдание и объяснение преимуществ института насилия.

Поэтому даже сам факт отказа Ивана IV от опричнины и уничтожение царем самых известных опричников рассматривается новоявленными сторонниками «перебора людишек» как «исправление стиля». Исчезло

понятие, но не ясно, что же тогда пришло на смену кромешникам? У Фурсова аналогия проводится с историей ЧК, ГПУ и далее, процессом превращения опричнины из чрезвычайной в регулярную организацию. О различиях здесь почти не говорится, предполагая, по всей видимости, сходные цели и задачи, – интересы самодержавия и тоталитарного политического режима. Для идейного сторонника опричнины это явление носило исключительно положительный характер, менявшее прежний уклад: «Именно опричнина делает в русской истории грязную работу, вычищая грязь и гниль, сгоняя русских Емель с печи» [Фурсов]. Цена вопроса, как и понимание того, что такой затратный путь имеет несопоставимые издержки и жертвы, в расчет априори не принимается.

Налицо подмена представлений, почти как в печальной традиции Джорджа Оруэлла и его «1984». Кромешники объявляются светлой силой, творящей не зло, а благо, искореняющими зло воинами света. Вот только их любимый цвет – черный, а исходный образ, используя мистические представления, Люцифер – падший ангел света. Ведь, сошлемся на Льва Гумилева, перед нами одно из проявлений антисистемы: «В представлении христианина существует понятие ада – места мучений грешников. Ад – "тьма кромешная". Как мы бы сказали сегодня, это пустота, вакуум, в котором нет и не может быть ничего материального, "тварного". В те времена это называли "небытие", считая его самой сутью зла. Значит, кромешники – это люди, одержимые ненавистью к миру, слуги абсолютного метафизического зла» [Гумилев, с. 273].

Попраие социального мира, сведение его к простым вертикальным отношениям и связям, защита самых примитивных форм мышления, культ насилия, почти полное отрицание эмпатии и изотимии, характеризуют этот феномен. И не смотря на то, что орден кромешников просуществовал официально с 1565 по 1572 годы и вплоть до смерти Ивана IV в 1584 году лишь подразумевался под понятием «двор», успехи «внутреннего опустошения» после «перебора людишек» стали программой для

воспроизводства российской автократии. Для иллюстрации подобных воззрений можно вспомнить критику Иосифом Сталиным второй серии «Ивана Грозного» Сергея Эйзенштейна: «Я не знаю, видел ли кто его, я смотрел, омерзительная штука! Человек совершенно отвлекся от истории. Изобразил опричников как последних паршивцев, дегенератов, что-то вроде американского ку-клукс-клана... Войска опричнины были прогрессивными войсками, на которые опирался Иван Грозный, чтобы собрать Россию в одно централизованное государство против феодальных князей, которые хотели раздробить и ослабить его. У него старое отношение к опричнине. Отношение старых историков к опричнине было грубо отрицательным, потому что репрессии Грозного они расценивали как репрессии Николая II и совершенно отвлекались от исторической обстановки, в которой это происходило. В наше время другой взгляд на это» [Бесплодная].

Отсылка к исторической обстановке, как особой форме оправдания насилия, призвана купировать любые рассуждения об антигуманизме основанного на репрессиях и диктатуре политического режима. Такое извращенное мировосприятие зла даже затруднительно рассматривать на предмет лжи. Если правитель и его слуги действуют во имя объявляемого ими «блага своего народа», предписанного свыше самим Богом, то кто посмеет сомневаться в творимых ими поступках. Как доказать тем, кто находится по ту сторону истины в додуманной реальности, что живут они по лжи в созданном ими inferнальном мире? Проще уж задаться извечным вопросом: почему Бог допускает страдания?

Ведь страдания и боль составляют едва ли не суть этого мира, созданного отнюдь не для светлых надежд. У советского фантаста Ивана Ефремова в его «Часе Быка» есть понимание того, что с самого начала мир живых существ был организован Первой природой как inferно: «Разве вы забыли, что человек – это кульминация трех миллиардов лет естественного отбора, слепой игры на выживание, inferно, завесу над которым впервые приподнял Дарвин» [Ефремов, с. 92]. Далее он рассуждает о ноосферном

учении Владимира Вернадского, делая вывод о развитии человечества на совершенно новых и светлых основаниях, удивлении, уважении, творческой веры в нравственность и любви. Фактически речь идет о грядущей эре всеобщей эмпатии, которую стремятся не допустить и разрушить любым способом те, кто считает себя хозяевами жизни и смерти любого человека.

Вместо созидającego удивления крошечники наводят всеразрушающий ужас. Презрение к людям и страх составляют суть их хтонического этоса. Они – живые мертвецы, направляемые насаждающим собственным культ владыкой смерти. Невольно даже напрашивается сравнение с еще одним образом – Вселенной некротомангов. Эта версия воспроизводства бессознательного, следуя идее Жака Деррида, проецирует уже знакомый нам мир, где рядом с нами живут и призраки нашего подсознания. Важнее, пожалуй, его замечание о производстве в кинематографе гипноза, влечений и идентификаций [Деррида]. На эту производную в кино стоит обратить особое внимание, так как именно здесь происходят искажающие жизнь абберации, смешение священного и похабного. Разве не это мы наблюдаем в фильме «Иван Грозный» в безумном карнавале опричников. Серьезность утомляет тех, кто не желает думать над последствиями, предпочитая процесс и получение текущих благ от властвования. Поэтому домыслы, оговоры, доносы и скорая расправа принимаются ими с радостью, обеспечивая смысл бытия. Темного? Нет, просто бытия, так как здесь темная сторона – это враги государя, надежды и опоры, и тому подобных определений священного символа. Это мир рабов и злодеев.

Поэтому, чтобы проникнуть в суть данного явления, нам и необходимы метафизические конструкции. Покров блага мгновенно исчезает, обнажая банальную ненависть и презрение к людям. Даниил Андреев, двигаясь в русле идей метаистории, предложил описание темной природы государств и его правителей. По нему, в основание жизни государств находится существование неких спрутоподобных уицраоров, которые питаются энергией страха, отчаяния, страдания и насилия людей. Сами люди для них

всего лишь орудия в борьбе с другими ищраорами. Особым расположением демонических существ пользуются правители: «Иоанн IV являет собой ярчайший пример не столь уж редкого типа родомысла-тирана, то есть личности призванной к обширной культурно-государственной деятельности демиургом сверхнарода, блистательно вступивший на это поприще и сорвавшийся в пучину инфрафизических слоев с этой крутизны, на которую вознес ее демон государственности» [Андреев, с. 336].

Вместо Небесного Кремля и духовного водительства народами, появилась Черная цитадель тирании великодержавия. Появление же опричников оказалось лишь первым этапом превращения подвластной территории «в зону абсолютной тирании всей страны», где действовали как подобия бесовских полчищ, «отряды черных всадников с собачьими головами у седла» [Андреев, с. 335]. Демоны материализовались и обрели физическую силу. Не знающие сострадания орки Темного Властелина и их пособники, как исчадия зла, заполнили этот мир, верша расправу и сея ужас среди непокорных. В их извращенном сознании зло это добро, а подлость и жестокость это проявление доблести.

Хищная природа авторитарных государств неизменно выступала в качестве темной силы. Наделяемые мистическим предначертанием и условиями борьбы с врагами они рассматривали себя в качестве орудий высшего промысла. Их самописание лишено эмпатии, оно избыточно эгоистическое, крикливое, уродливое и крайне бедное идеями, заполнено представлениями цепляющегося за некритически воспринимаемые образы прошлого квазимышления. Здесь мы обнаруживаем черты ритуальной магии, вызывания и заклинания потусторонних сил. Правитель, действуя в духе царя Соломона, выполняет роль мага-посредника, заключающего сделку с демоническими силами иномирья. Идти же по пути духовного развития и вести за собою людей, ему не дано самой природой власти. Поэтому и ищется оправдание совершаемому злу как форме различения грешников и их прав на спасение. Невинны, возможно, лишь младенцы. Хотя, отметим, ни о какой

рефлексивности или сомнения речь не идет, а только о принуждении к декларируемым властями установкам и оценкам. И в этом обнаруживается самый первый парадокс, связанный с различием государства и общества. Самовластие направлено на присвоение мира, тогда как общество направлено на сосуществование в адаптируемом под себя мире. Так или иначе, но только этические представления могли бы ограничить биологические устремления людей на тотальную войну всех против всех и прекратить борьбу за превосходство.

Но что же тогда так активно противодействует этому процессу? Едва ли речь могла бы идти только о внешнем принуждении, проявлении бессилия и покорности тирании.

Список литературы

1. Андреев Д. Роза Мира. М.: Эксмо, 2008. 672 с.
2. Бесплодная киносъемка // Журнал Коммерсантъ Власть. 20.11.06 / URL: <https://www.kommersant.ru/doc/722966> (Дата обращения: 10.03.22).
3. Гумилев Л.Н. От Руси к России. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. 392 с.
4. Деррида Ж. Кино и его призраки // Art Traffic. Культура и искусство / URL: https://vk.com/wall-52526415_22639 (Дата обращения: 12.03.22)
5. Ефремов И. Собрание сочинений: В 5 томах. М.: Молодая гвардия, 1989. Т. 5. Кн. 2. 462 с.
6. Корб И.Г. Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.). СПб.: Издание А.С. Суворина, 1906. 418 с.
7. Кюстин А., де. Россия в 1839 г. СПб.: Крига, 2008. 704 с.
8. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л.: Наука, 1979. 431 с.
9. Фурсов А. Опричнина в русской истории // Изборский клуб / URL: <http://dynacon.ru/content/articles/381/> (Дата обращения: 06.03.22).
10. Штаден Г. Записки о Московии. В двух томах. М.: Древлехранилище, 2008. Т. 1. 582 с.

2. Природа зла

Homo homini lupus est
Человек человеку волк – лат.
Плавт «Ослы»

Природа зла или злая природа? На самом деле, с позиции Первой природы такая постановка проблемы бессмысленна, а различие добра и зла относится к оценкам тех, кого принято считать *homo sapiens*. Возможно, что именно благодаря этому противопоставлению и сформировалось мышление людей, осознавших свое коренное отличие от иных живых существ. Они начали подозревать, что этот мир далеко не тот, который должен был быть созданным заботливым и благим Богом-Демиургом или группой человеколюбивых божеств.

Известно, что Жан Жак Руссо считал людей изначально невинными и добрыми. Он рассуждал об испорченности людей культурой: «До того, как искусство обтесало наши манеры и научило наши страсти говорить готовым языком, нравы у нас были грубые и простые, но естественные, и различие в поведении с первого взгляда говорило о различии характеров. Человеческая природа, в сущности, не была лучшею, но люди видели свою безопасность в легкости, с какою они понимали друг друга, и это преимущество, ценности которого мы уже не чувствуем, избавляло их от многих пороков» [Руссо, с. 13]. Естественность и невинность, подлинная добродетель, признавались мыслителем в качестве идеала. Возвращение к нему французский мыслитель представил в форме универсального блага. Исправление нравов виделось ему в отказе от достижений культуры, что по сути можно было бы рассматривать как призыв к восстанию против современного ему миру.

Причины повреждения нравов лежат в культуре, которой и выносятся суровый приговор: «Народы, знайте же раз навсегда, что природа хотела уберечь вас от знания, как мать, которая вырывает опасный предмет из рук своего дитяти; что все тайны, которые она от нас скрывает, – это беды, от которых она нас ограждает; что трудности учения – это не меньшее из ее благодеяний. Люди испорчены; они могли бы быть еще хуже, если бы имели несчастье родиться учеными» [Руссо, с. 19]. То есть, человечество просто пошло по неверному пути, который привел его к торжеству зла и порокам.

Фактически эти рассуждения были направлены против интеллекта в защиту сердца, как центра живущего по законам природы сознания человека.

В качестве критического замечания позволим себе сослаться на оценку, данную Вольтером в 1775 году: «Я получил вашу новую книгу против рода человеческого и благодарен вам за нее. Не было еще случая, чтобы такие способности использовались для того, чтобы сделать всех нас глупыми. Каждый стремится, читая вашу книгу, ходить на четвереньках. Но, так как я утратил эту привычку за более чем шестьдесят лет, я чувствую, к несчастью, что не смогу приобрести ее вновь» [Рассел, с. 809]. Идеализация некоего благородного дикаря явно была далека от понимания сути его представлений, скажем, в духе моральных рассуждений готтентотов о добре и зле.

Наличие подобных представлений заставляет предполагать то, что люди довольно давно встали в оппозицию друг к другу. И в этом плане прав Томас Гоббс, сказавший, что в начале была «война всех против всех». Английский философ обнаруживает причины этому в природе самого человека, в соперничестве, недоверии и жажде славы: «Первая причина заставляет людей нападать друг на друга в целях наживы, вторая – в целях собственной безопасности, а третья – из соображений чести. Люди, движимые первой причиной, употребляют насилие, чтобы сделаться хозяевами других людей, их жен, детей и скота; люди, движимые второй причиной, употребляют насилие в целях самозащиты; третья же категория людей прибегают к насилию из-за пустяков вроде слова, улыбки, из-за несогласия во мнении и других проявлений неуважения» [Гоббс, с. 95]. Лишь наличие гражданского состояния должно было бы решить эту всеобщую проблему, но более эффективным оказывается внушающее всеобщий страх государство. Поэтому идея подчинения и кажется мыслителю как предпочтительная. Его Левиафан это «смертный Бог», благодаря которому объединились люди, но при этом он не меняет изначальной природы человека, а лишь ставит его в ситуацию «бесконечного» ужаса перед

нарушениями предписаний, с одной стороны, и гарантии разумной всеобщности, с другой стороны.

Мыслитель видит материалом для своего библейского чудовища людей, которые путем некоего соглашения создали суверена, ставшего гарантом для существования государства: «В этом Левиафане верховная власть, дающая жизнь и движение всему телу, есть искусственная душа, должностные лица и другие представители судебной и исполнительной власти – искусственные суставы; награда и наказание (при помощи которых каждый сустав и член прикрепляются к седалищу верховной власти и побуждаются исполнить свои обязанности) представляют собой нервы, выполняющие такие же функции в естественном теле; благосостояние и богатство всех частных членов представляют собой его силу; *salus populi*, безопасность народа, – его занятие; советники, внушающие ему все, что необходимо знать, представляют собой память; справедливость и законы суть искусственный разум (*reason*) и воля; гражданский мир – здоровье; смута – болезнь, и гражданская война – смерть» [Гоббс, с. 95]. Тем самым, по примеру творения Бога был как бы заново сотворен человек, точнее, созданы новые условия для его существования.

К издержкам ситуации Гоббс относит вынужденную борьбу с царством тьмы (*kingdom of darkness*). Суверен сталкивается с противодействием в виде идей и религиозных воззрений, рожденных чарами темных сил, неверным прочтением Писания. Церковь не вполне освободилась от тьмы, – таков его вывод [Гоббс, с. 463]. Само явление тьмы для мыслителя носит многогранный характер, обозначая присутствие в этом мире зла, что, по сути, мало что меняет. Тогда как знание этого, как и понимание ценности Левиафана, только вносит различие в естественное состояние и по возможности снижает градус противостояния людей друг другу.

Обратим внимание на то, что Гоббс одним из первых представил тему зла не как внешнюю, а в качестве внутренней проблемы, проистекающей из природы самого человека. Противостояние с себе подобными оказывается неким исходным мотивом, связанным с борьбой за «место под солнцем».

Соответственно, рост народонаселения должен сопровождаться и ростом конфликтов. Возможности же сопереживания явно лишены такой динамики и стремятся к нулю. Если бы не идеи гуманизации и признания ценностью самого человека мы бы продолжали видеть зло как нечто внешнее и не зависящее от нас явление. Зло постоянно актуализируется и создается иллюзия его всемогущества, а любые попытки апеллирования к разуму оборачиваются гонениями на этот разум.

До сих пор мы обнаруживаем последователей Ганса Гербигера, провозгласившего благом борьбу против разума: «... забота об осмысленной связи – смертный грех. Имеет значение только то, что вызывает движение. Преступление – тоже движение, а преступление против ума – благодеяние» [Повель, с. 291]. Итогом этого «благодеяния», как известно, стала гобель и страдания миллионов людей. Странников такого движения влекли идеи, бред о борьбе льда и пламени, грядущих расах правителей, величии, а не судьба погруженных в голую жизнь людей. И даже когда их самих ждала гибель, они стремились к тому, чтобы с ними погибли все. Напевающий мотив Вагнера на тему «Гибель богов» Гитлер, еще только боровшийся за власть, с упоением говорил о грядущем уничтожении мира: «Мы не капитулируем никогда. Может быть, мы погибнем. Но мы возьмем с собой весь мир. Муспилли. Мировой пожар» [Раушнинг, с. 21].

Силу мистицизма не стоит недооценивать, сводя всё к оккультным персонажам или организациям с людьми с извращенным мировосприятием. Этот канал влияния на сознание масс появился на заре человеческой цивилизации, проявляя себя в виде религиозных мистерий или поддерживаемых на обыденном уровне суеверий. Эти древнейшие формы коллективного сознания продолжают существовать и могут в любой самый неожиданный момент пробудиться из темных глубин человеческого разума. Те, кто это отрицает, в лучшем случае заблуждаются, но есть и те, кто делает это осознанно, действуя на манер «Девяти неизвестных» Талбота Манди или «Паразитов сознания» Колина Уилсона.

Во всяком случае, идея о связи двух самых известных тиранов XX столетия с оккультизмом всячески отвергается. Сошлемся для примера на книгу противника демонизации, в частности, гитлеризма, Д. Жукова «Оккультный Рейх. Главный миф XX века». Здесь обращает на себя внимание, с одной стороны, ссылка на работы Юлиуса Эвола, итальянского традиционалиста и сторонника идеи вырождения и упадка высших рас. По всей видимости, нашего исследователя не пугает, что граф Эвола сам был сторонником мистицизма, верил в призраков и алхимию, а свои воззрения называл «магическим идеализмом». С другой стороны, мы столкнулись с заявлением, направленным против работ Германа Раушнинга о Гитлере: «"Произведения" Раушнинга были окончательно разоблачены как фальсификация швейцарским историком Вольфгангом Хэнелем ещё в 1983 году (хотя задолго до этого рядом исследователей высказывались серьёзные сомнения в их достоверности)» [Жуков, с. 9]. Эта информация довольно свободно гуляет на просторах социальных сетей. Вот только ссылок на работы самого «швейцарского историка» нам найти не удалось, как, впрочем, сведений об этой персоналии.

Так или иначе, но мистицизм с самого начала был связан с производством власти. Одной только силы явно недостаточно, чтобы заставить подчиняться большие группы людей, когда еще и традиции как таковой не сложилось. Вождь должен заручаться поддержкой колдуна, мага, позднее, жреца, а то и сам исполнял эти функции. Естественно, что для легитимации использовались высшие силы, боги, духи или демоны, но опиралась вся эта конструкция на пралогическое мышление масс: «В те времена божественность, окутывающая царя, была не пустой фразой, а выражением твердой веры. Во многих случаях царей почитали не просто как священнослужителей, посредников между человеком и богом, но и как богов, способных оделить своих подданных и поклонников благами, которые, как правило, считаются находящимися вне компетенции смертных и

испрашиваются путем молитвы и жертвоприношения у сверхъестественных, невидимых существ» [Фрезер, с. 19].

Осуществляемые действия в таком социуме, как и поведение тех, кто стремится им править, лишены потребности в понимании происходящих процессов, своего места в них, и являются простыми практическими решениями. Как замечает Дж. Фрезер, правитель или колдун далек от всего этого: «Как и большинство людей, он рассуждает так же, как переваривает пищу – в полном неведении относительно интеллектуальных и физиологических процессов, необходимых для мышления и для пищеварения. Короче, магия является для него искусством, а не наукой; сама идея науки отсутствует в его неразвитом уме. Проследить ход мысли, лежащей в основе колдовских действий, выявить несколько простых нитей, которые переплетаются в запутанный клубок, отделить абстрактные принципы от их конкретных приложений, другими словами, обнаружить следы искаженной науки за видимостью неподдельного искусства является делом философа» [Фрезер, с. 21].

Ученый не видит большой разницы в организации грубого ума дикаря и невежественного ума современных суеверных людей. Поэтому считать, что современный человек далеко ушел в своем умственно-эмоциональном развитии от своих предков и проблематично. Тем более, если мы будем говорить о скорости эволюции тех, кто еще 10000 лет тому назад жили в каменном веке, точнее, веках. Нам нравится описание этого состояние, которое предложил Эрих Фромм: «Образно говоря, мозг человека живет в двадцатом веке; его душа – в каменном. Человек еще не совсем готов к тому, что в один прекрасный день на него обрушится свобода и независимость» [Фромм, с. 12].

По мнению мыслителя, пройдет еще немало времени, прежде чем человек сможет выйти за рамки «дочеловеческой истории» и придет к разумному или новому мышлению. Это, разумеется, избыточное обобщение, но от тенденций нам никуда не уйти, так как праалогическое мышление

продолжает в той или другой мере влиять на наше поведение. Политическая инфантильность массового человека указывает на устойчивое сопротивление разуму. Такой человек живет, предпочитая собственному мышлению шумное пребывание среди идолов сознания Фрэнсиса Бэкона. Заметим, что эту глубокую мысль лорд Веруламский высказал еще в самом начале XVII века. Раскрепостить же умы мы не смогли и по сей день.

Идея свободы связана с пониманием того, почему люди предпочитают этому желанию подчинение и готовы мириться с принуждением. По нашему мнению, истоки этого явления следует искать в доместикации, одомашниванию человеком самого себя. Платон одним из первых сформулировал идею отдельного воспитания стражей и остального населения, где первые были носителями ярости и мужества, а о других он не беспокоился вовсе, видя в них лишь тех, кто хорошо должны исполнять свою работу. Такое идеальное сосуществование под управлением философов он считал благом, тогда как его нарушение трактовалось с позиции беззакония и зла. Поэтому даже война видится ему проявлением неких законов, более того, он прежде Гоббса высказал идею войны всех против всех: «Так тебе легче будет обнаружить правильность нашего нынешнего утверждения, что все находятся в войне со всеми как общественной, так и в частной жизни и каждый – с самим собой» [Платон, с. 73].

Различение войн на внешние и внутренние имеет для Платона значение сохранения или разрушения благополучия всего государства и частных лиц. И, по всей видимости, его беспокоил именно частный человек. Как замечает Прокл: «Противоречащее же природе зло всегда сопутствует частному, и среди него же находятся безобразия, несоразмерность, заблуждение и псевдоипостась» [Прокл, с. 65]. Законы как выражение целого соответствуют понятию блага, поэтому их обсуждение не допускается для молодежи, воспитываемой на принципах единогласия [Платон, с. 82]. Сомнение, как мы видим, не рассматривалось древнегреческим мыслителем, придерживавшимся долженствования. Его, судя по рассуждениям, не

интересовало то, что авторитарное предписание или долженствование не только ограничивало проявление свободы людьми. Наряду с этим, снималась потребность в моральной самооценке своих поступков, так как речь шла об исполнении долга.

В долженствовании обнаруживается не только позитивный смысл, но и наличие иррациональных и негативистских установок. Так, установка на повиновение лишает человека собственной свободной воли, превращая его в инструмент для другого. Более того, ему с этого момента отказывают в праве принятия общественно значимых решений, ограничивая его существование рамками «голой жизни». Поэтому и судить о зле и добре будут за него. Перехват же законодательной власти мыслителями даже под видом оправданной борьбы с предрассудками и невежеством не может не породить ритуал и догматическую рамку. Не это ли произошло во Франции в 1793 – 1794 года, когда была предпринята попытка учреждения культа Разума? Успехом, как известно, эта попытка не увенчалась, отступив перед прежними формами религиозного контроля и культа. Его родоначальники Пьер Шометт и Жак-Рене Эбер были отправлены на гильотину. Неким вариантом продлить существование идеи стал более умеренный культ Верховного Существа, но и он был запрещен Наполеоном Бонапартом в 1802 году. Всё свелось к ритуалу и закону, принятых и отмененных в последствии, что говорится, по случаю: «Эта скороспелая и дерзкая идея появляется в некоторых горячих головах в разгар опасности, в сентябре и октябре 1793 г. Безумцы в своем страстном желании спасти отечество воображают, что можно уничтожить в несколько дней вековую религию и искусственно создать новое и могущественное бродило в душах» [Олар].

Законодательный разум оказался в итоге путем движения по кругу с ложными целями. Вместо утопии возникает антиутопия, а благие намерения ведут в тот самый ад. Как отмечает Зигмунт Бауман, «защита законодательного разума была адресована особому читателю, и, значит, язык, в котором было выражено обращение к вниманию и благосклонности

читателя, был близок этому читателю и созвучен его интересам. Этим читателем были, в первую очередь, правители тех дней. Деспоту предлагалось просвещение как средство более эффективного выполнения той самой роли, которую он на себя взял. Подобно земным правителям, критическая философия готовила себя к тому, чтобы "удалить корень". Врагами, с которыми такая философия особенно хотела расправиться, были те, кто принадлежал к "догматическим школам" материализма, фатализма, атеизма, свободомыслия, фанатизма и предрассудков, – школам универсально вредоносным. Необходимо было показать, что противники угрожают как земному, так интеллектуальному порядку, что их уничтожение в интересах власть предержащих в той мере, в какой они соответствуют интересам критической философии, что, таким образом, задача царских судей совпадает с целями законодательного разума» [Бауман].

Так что в этом плане Иммануил Кант, действительно, недалеко ушел от Платона. Рассуждая о необходимости «установления трибунала» из философов для предустановления единства мнений, он насаждает идеи для грядущего тоталитаризма. Впрочем, думаем, что однозначности в озвученном здесь выводе нет. Во всяком случае, философ сам пишет о сомнениях, в том числе и возможности формирования единства мнений. Поэтому он и разводит представления об идеальном устройстве и природе человека. Ведь по своей природе человек, по Канту, в одинаковой мере принадлежит миру добра и зла, но даже самый худший из людей «не отрекается от морального закона». Всё упирается в некую исходную максиму и выбор: «Следовательно, человек (даже лучший) зол только потому, что, принимая мотивы в свои максимы, он переворачивает их нравственный порядок; он, правда, принимает в них моральный закон рядом с законом себялюбия, но, так как убедился в том, что один не может существовать рядом с другим, а должен подчиняться другому, как своему высшему условию, он делает мотивы себялюбия и его влечения условием соблюдения морального закона» [Кант, с. 37].

Основной упор Кант делает на то, что человек разумное существо, которое осознанно осуществляет свой выбор или должен к нему стремиться. На этом пути возможны ошибки или перевертывание мотивов, которые и приводят людей ко злу. Но при такой постановке проблемы возникают и определенные сомнения, не в последнюю очередь, связанные со способностью самостоятельного принятия решений теми, кого принято считать разумными существами. Так должно быть, но в реальности оказывается по-другому. Как отмечает Якобс Вильгельм, рассуждающий о трансцендентально-философском понятии морального зла у великого немецкого философа: «На мой взгляд. Кант не говорит о метафизике в своем сочинении о религии. Метафизика нравов излагается им в сочинении, которое так и называется. Но в этом сочинении речь идет о правах и обязанностях, т.е. о должном; о том, что есть, там нет речи» [Якобс].

Не менее важным аспектом, связанным с пониманием этического или божественного порядка, выступают представления о страдании. Нас не интересуют в данном исследовании всевозможные варианты теодицеи – оправдания Бога и обнаружения внешнего источника зла. Невзгоды, болезни, разочарования, боль, насилие и смерть, как и краткость положительных эмоций, создают атмосферу враждебности этого мира. Реальность его не вызывает сомнений, тогда как ожидания наступления времен изобилия и беззаботности выглядят сказками для несмышленных детей и инфантильных масс. Во всяком случае, от самих людей это почти не зависит. Ведь управляются они не волей к разуму, а мифами. Это люди со связанным в большей или меньшей мере мышлением, они результат неоантропного животноводства. Основано же оно на насилии, запрете и принуждении. В этих условиях страдание воспринимается как должное и естественное, как и направленная на себе подобных агрессия.

Тему агрессии подробно анализирует Эрих Фромм, вводя различие между оборонительной или «доброкачественной» агрессией и «злокачественной» агрессией, свойственной только человеку жестокости и

деструктивности [Фромм², с. 23-24]. В разных группах степень деструктивности, как считает мыслитель, может различаться, но она не является врожденной. Фактически человек постоянно находится в состоянии выбора между любовью и стремлением к разрушению. Хотя, думается, такое пограничное состояние существует не всегда, а способность к самостоятельным решениям часто блокируется внешними доминирующими в социуме установками. В условиях заложенной Первой природой установкой на доминирование, во главе социальных образований оказываются те, кто стремится к мегалотимии. Следуя за рассуждениями Фрэнсиса Фукуямы, мы получаем некую основу для понимания того, как появляются героические личности (Линкольн, Черчилль, Нельсон Мандела) или тираны (Цезарь, Гитлер или Мао) [Фукуяма, с. 21].

Вокруг тех и других формируются группы сторонников либо созидания, либо разрушения. Иные обречены исполнять роли статистов, подчиняясь законам идентичности. И если у власти деструктивный тиран, то его судьбу могут решить лишь внешнее принуждение, естественная смерть или дворцовый переворот, но никак не те, кто взывает к уважению их человеческих прав. Формирование массовых установок на изотимию даже в минимальной степени требует собственных интеллектуальных затрат. А именно с этим дела и обстоят крайне плохо, особенно в «закрытых» обществах, живущих по правилам «социального стада».

Также стоит обратить внимание на сочетание двух факторов. Первый связан с общей отрицательной установкой направленной на окружающий мир. Эта установка питается в основном за счет поглощения энергии или ресурсов извне, а не за счет собственного развития. Мы придерживаемся представлений о сочетании низких горизонтов (событий, эмоций, интеллекта), влияющих на способность таких социумов к саморазвитию. Второй фактор связан с появлением деструктивных тиранов, получающих свою санкцию от идеи завоевания, поглощения и разрушения окружающего мира. Этот аспект крайне важен и он указывает на некий парадокс любой

империи – внешнюю экспансию как подлинную цель и смысл существования. В этих условиях признание *другого* отрицается, что говорится, по определению. Тогда как насилие утрачивает любые этические ограничения, становясь инструментом для препарирования бытия. Как пишет Э. Фромм: «Человек нуждается в драматизме жизни и переживаниях; и если на высшем уровне своих достижений он не находит удовлетворения, то сам создает себе драму разрушения» [Фромм2, с. 30].

Одичание наступает тогда, когда люди утрачивают способность понимания других людей и сочувствия к ним. Таким образом, поддержание низкого уровня эмоциональной культуры гарантирует власть предрешающим оправдание любых их поступков. И тогда в духе «1984» Дж. Оруэлла можно воспринимать как нечто естественное утверждения о том, что «война – это мир», «свобода – это рабство» или «незнание – это сила». Это мир где нет эмпатии, а понятие зла извращено до неузнаваемости. У современного исследователя Симона Барона-Кохена есть прямая аналогия, позволяющая приблизиться к пониманию проблемы зла: «Задача состоит в том, чтобы объяснить, не прибегая к слишком простой концепции зла, как люди способны причинять друг другу сильную боль. Итак, давайте заменим термин "зло" термином "эрозия эмпатии". Эрозия эмпатии может возникнуть из-за разрушительных эмоций, таких как горькая обида, или желание отомстить, или слепая ненависть, или желание защитить. Теоретически это преходящие эмоции, эрозия эмпатии обратима. Но эрозия эмпатии может быть результатом более постоянных психологических характеристик» [Baron-Cohen, p. 6].

Сосредоточенность исключительно только на себе блокирует проявление эмпатии. Фактически эта установка не зависит от позитивных или отрицательных последствий, но может быть использована в качестве нормы поведения для коллективного поведения, скажем, в рамках национального или статусного превосходства. И хотя, как считает С. Барон-Кохен, «эрозия эмпатии» порождает дополнительные вопросы, но на них можно давать

определенные ответы, чтобы разобраться в процессе формирования и разрушения эмпатии, соответственно, проявления зла и жестокости людей по отношению друг к другу [Baron-Cohen, p. 8].

Двигаясь в русле идеи эмпатии и противостояния злу, мы приближаемся к пониманию того, что грядущая гуманистическая солидарность станет определяющим метанарративом. Людям еще предстоит изжить установку на максимум господства-подчинения, чтобы начать производство свободных отношений, формируя благоприятные условия для эмоционального интеллекта.

Список литературы

1. Бауман З. Философия и постмодернистская социология // Filosofy.vuzlib.ru. Библиотека философии / URL: https://www.filosofy.vuzlib.ru/book_o007_2.html (Дата обращения: 11.04.22).
2. Гоббс Т. Сочинения в 2 т. М.: Мысль, 1991. Т. 2. 731 с.
3. Жуков Д.А. «Оккультный Рейх». Главный миф XX века. М.: Яуза-Пресс, 2009. 352 с.
4. Кант И. Собрание. В 8-ми т. М.: Чоро, 1994. Т. 6. 613 с.
5. Олар А. Культ Разума и культ Верховного Существа во время Французской революции. М.: Сеятель, 1925 // URL: https://istmat.org/files/uploads/28905/fr_relig-2_a-f-aulard_1925.pdf (Дата обращения: 10.04.22).
6. Платон. Законы / пер. с древнегреч. М.: Мысль, 1999. 832 с.
7. Повель Л., Бержье Ж. Утро магов / пер. с фр. К.: София, Ltd, 1994. 480с.
8. Прокл. Платоновская теология / пер. с древнегреч. СПб.: РХГИ; «Летний сад», 2001. 624 с.
9. Рассел Б. История западной философии. В 3 кн. Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2003. 992 с.
10. Раушнинг Г. Говорит Гитлер. Зверь из бездны. М.: МИФ, 1993. 382 с.
11. Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М.: Наука, 1969. 703 с.
12. Фрезер Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии / пер. с англ. И.: Политиздат, 1980. 831 с.
13. Фромм Э. Бегство от свободы; Человек для себя / пер. с англ. Мн.: ООО «Попурри», 1998. 672 с.
14. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / пер. с нем. М.: Издательство АСТ, 2016. 624 с.
15. Фукуяма Ф. Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия / пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2019. 256 с.

16. Якобс В. Происхождение зла и человеческая свобода или трансцендентальная философия и метафизика // Библиотека Гумер / URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Jakobs_Zlo.php (Дата обращения: 13.04.22).
17. Baron-Cohen Simon. The Science of Evil: On Empathy and the Origins of Cruelty. Basic Books, 2011. 258 p.

3. Империя, Ситхи и Владыка Сидиус

Четвертый зверь представлял державу,
следовавшую за империей Греков,
это была Римская империя.
Этот зверь был необычайно страшен и свиреп;
у него были большие железные зубы,
и он все пожирал и сокрушал в куски,
остатки же попирал своими ногами;
такова именно и была Римская империя.
*Исаак Ньютон «Замечания на книгу пророка Даниила
и Апокалипсис святого Иоанна»*

Во вселенной «Звездных войн», рожденной фантазиями Джорджа Лукаса, не было последовательности в изложении событий. Всё началось с «Эпизода IV: Новая надежда», где мы оказывались в гуще текущих событий, противостояния повстанцев с некой Галактической империей, наводящей ужас на населенные разумными существами миры. Некие подсказки можно обнаружить лишь в прологе в книге, где рассказывается о том, что была процветающая Старая Республика, где накапливались проблемы и противоречия. Этим воспользовался тщеславный сенатор Палпатин, который нашел себе союзников и под предлогом наведения порядка, стал главой Сената, а позднее был объявлен Императором: «Почувствовав себя в безопасности на своем высоком посту, он провозгласил себя Императором, изолировав себя от народа. Вскоре он сам стал игрушкой в руках тех самых помощников и подхалимов, которых он назначил на высокие посты, и призывы народа к справедливости не доходили до него. Уничтожив путем предательства рыцарей Джедая – защитников законности в Галактике, – императорские управляющие и бюрократы готовились установить режим

террора среди принужденных к повиновению миров Галактики. Многие использовали силы Империи и имя потерявшего поддержку Императора в целях удовлетворения своих личных амбиций» [Лукас, с. 4].

Мы специально обратили внимание на то, как была изначально представлена ситуация. И, разумеется, нет смысла пересказывать сюжетную линию, как и то, каким образом из первичного бульона идей от Джозефа Кэмпбелла до Карлоса Кастанеды родился мир «Другой Галактики, другого времени». Считается, что сам сюжет «Звездных войн» был навеян фильмом Акиры Куросавы «Три негодяя из скрытой крепости» [Загудяев]. Судя по используемым им наравне с республиканскими законодателями сенаторами образов рыцарей джедаев, королей, принцесс, лордов, графов и орденов, Лукас явно тяготел к неофеодальной романтике. Впрочем, это не меняло старой доброй традиции Голливуда, где друг другу противостоят хорошие и плохие парни. Перенос противоборства на просторы Вселенной, как и оформление идеи о темной и светлой сторонах Силы, можно считать выходом за пределы Земли как непосредственной арены борьбы добра со злом.

Интересно, что Марк Роулденс считает Джорджа Лукаса сторонником учения Мани, манихейцем, признававшим зло реальностью и пытавшемся дать ответы на вопросы: «Фильмы Лукаса повествуют о добре и зле, свете и тьме, но прежде всего – о задатках добра и зла в каждом из нас, создавая порой немислимые комбинации. Но в состоянии ли мы разделить эти элементы? Может ли свет существовать отдельно от тьмы? И на самом ли деле тьма – нечто безусловно плохое? Или мы не полностью понимаем этот принцип?» [Роулденс, с. 206].

Сам Мани, как известно, считал себя «Пророком Света». Его учение соединило в себе элементы зороастризма, христианства, буддизма, джайнизма, неоплатонизма, гностицизма и вавилонской мифологии, став первой успешной наднациональной мировой религией. В «Звездных войнах» мы видим тот же синкретизм и при большом желании можно обнаружить массу аналогий. Отличие состоит в том, что речь здесь идет не о божествах и

поклонении им, а об адептах Темной и Светлой стороны Силы. По-сути, это можно рассматривать в аспекте противоборства сил Зла и сил Добра, где дело богов продолжают наделенные Силой существа. Их выбор стороны не предопределен, но он связан с оформлением воли, направляющей адепта на поиск гармонии с миром, либо на подчинение мира себе. В любом случае речь шла об активном участии в бесконечной космической битве.

Создание Галактической империи стало триумфом сил Зла. Но здесь важно понять, почему именно империя? Среди предтеч Дж. Лукаса был Эдмонд Гамильтон, опубликовавший в 1947 году роман «Звездные короли». И здесь Средне-Галактической империи противостоит Лига Темных миров, где правит диктатор. Показательно, что здесь так же есть сверхоружие Разрушитель, призванное защищать Империю. Сама Империя описывается у Гамильтона как самое могущественное звездное королевство, одно из многих, где правители обладают звучными титулами. На самом деле это были, как утверждается, демократии близкие к английской модели с номинальным правлением королей [Гамильтон, с. 9]. Придумывать что-то отличное от уже известного в политическом устройстве писатель не желает, упирая на то, что и 200 тысяч лет спустя единства в человечестве не будет. Нет изменений и в тех проблемах, с которыми человечество сталкивалось в прошлом и продолжает решать в наши дни.

В пору говорить о «вечном возвращении» античности и понимании того, что и грядущие социальные формы бытия окажутся всего лишь комбинациями из уже известного. Что не исключает внесения различий, которые можно рассматривать с позиции создания плохих копий или даже симулякров. Впрочем, довольно сложно избавиться от шаблонов для мышления. И в этом случае любые грядущие империи будут обречены вновь и вновь переживать появление цезаризма и величественный закат эпохи. Эту мысль мы почерпнули у Освальда Шпенглера, который, в частности, пишет, что «человек неисторичен не только перед возникновением культуры, но и вновь делается неисторичен, как только цивилизация оформляется до своего

полного и окончательного образа, а тем самым завершается живое развитие культуры, оказываются исчерпанными последние возможности осмысленного существования» [Шпенглер, с. 52]. Поэтому и не важно то, какого уровня порядка или тотальности достигает государство, становясь империей, его ожидает смерть. В сухом остатке остается лишь «борьба за голую власть».

Возможно, что именно эту идею положил в свою серию романов про «Академию» Айзек Азимов. Он описывает Первую Галактическую Империю как административно-военный политический режим. И, разумеется, речь с самого начала идет о том, что империя клонится к упадку, который и был рассчитан методами психоистории. Здесь прослеживается связь между фантастическим миром и историей Римской империи, навеянная прочтением Айзеком Азимовым работы Эдварда Гиббона «История упадка и падения Римской империи» [Серия]. Стремление к сепаратизму, как и появление новых политико-экономических центров притяжения, неповоротливость и некомпетентность бюрократического аппарата, коррупция, падение авторитета правителей, дворцовые перевороты, еще не ведут к гибели империи, но явно сигнализируют о начавшихся процессах распада. Да и агония может длиться довольно долго. Грядут новые «Темные века», хотя, судя по сюжету, речь идет не о появлении новых форм политического устройства, а о возрождении или переучереждении всё той же Империи [Азимов].

В таком случае перед нами эволюционный тупик на фоне «вечного возвращения». Вечная Империя рождена из образа Вечного Рима и перенесена в будущее. И в этом плане можно считать, что Джон Глабб прав, когда пишет, что пора вместо истории отдельных стран изучать историю человечества. Рассматривая империи как сверхдержавы, он выводит среднюю для всех, начиная с Ассирийской, длительность существования – 250 лет. За это время они проходят через определенные этапы: всплеск (эпоха пионеров), эпоха завоеваний, эпоха коммерции, эпоха изобилия, эпоха интеллекта, эпоха упадка: «Жизненное ожидание великой нации, по-видимому, начинается с

бурного и обычно непредвиденного выброса энергии и заканчивается понижением нравственных норм, цинизмом, пессимизмом и легкомыслием» [Glubb].

Думается, что изначальный всплеск носит характер проявления энергии, направленной вовне, поэтому он и выливается в экспансию, покорение иных народов и захват территорий. Естественно, что перенос энергии на иные цели снижает возможности по мобилизации социума, где начинают превалировать иные ценности: «Герои угасающих народов всегда одни и те же – спортсмен, певец или актер. Слово "знаменитость" сегодня используется для обозначения комика или футболиста, а не государственного деятеля, генерала или литературного гения» [Glubb]. Становится понятно, что переформатирование имперского идеала – это миф, это желание проверить и опровергнуть высказывание древнегреческого философа Гераклита о том, что «в одну и ту же реку нельзя войти дважды и нельзя дважды застигнуть смертную природу в одном и том же состоянии». Тот же интеллект служит разрушению единообразия мысли, а критический настрой заставляет задуматься над причинами и последствиями, злой и доброй природе человека. Мир созданный физическим насилием перестает определять умонастроения людей, стремящихся к обустройству своих частных вселенных.

Упадок империй, как считает Дж. Глабб, связан с утратой агрессивности, отсутствием внешней цели, ростом пессимизма, погоней за комфортом, разрушительным для имперской мощи пацифизмом, распадом системы. И в этом он не оригинален. Сошлемся на мнение итальянского традиционалиста Юлиуса Эвола: «Государство как ценность, как Империя, как синтез духовного и королевского, как путь к "сверхмиру", каким оно было во всех великих культурах древности – от Китая до Египта, от Ирана до Рима, до Священной Римской Империи Германских Наций – потонуло в мещанской убогости общества рабов и торговцев» [Эвола, с. 12]. Воспевание войны как «божественного пути» и критика гуманистической, пацифистской и сентиментальной риторики составляет суть его рассуждений. Всё, что

противоречит поддержанию могущества, замутняет исходный образ «римского королевского пути», отвергается этим и ему подобными противниками прогресса. Естественно, что они являются противниками и экзистенциализма, способного разрушить любую доктрину. А в нашем случае в качестве такой доктрины выступает идеал Империи.

Чем же так притягивает к себе идея универсального мирового порядка? Возможно, что в представлении об Империи скрывается всё та же мысль, высказанная Томасом Гоббсом, о войне всех против всех. Преодоление войны в ее исходном состоянии связано с установлением рационального политического устройства. Этот путь не был решением проблемы «вечного мира», но других вариантов воздействия на сознание власть предержащих мыслители предложить не могли. Речь шла о просвещении правителей, что в свою очередь, отражало установку, данную в глубокой древности еще Платоном. Правда, он сам взялся за перевоспитание тиранов, а Гоббс был сторонником неограниченной монархии. Английский философ мифологизирует процесс появления государства, порождаемого из духа взаимного конфликта: «Таково рождение того великого Левиафана или, вернее (выражаясь более почтительно), того смертного Бога, которому мы под владычеством бессмертного Бога обязаны своим миром и своей защитой. Ибо благодаря полномочиям, отданным ему каждым отдельным человеком в государстве, указанный человек или собрание лиц пользуется такой огромной сосредоточенной в нем силой и властью, что внушаемый этой силой и властью страх делает этого человека или это собрание лиц способными направлять волю всех людей к внутреннему миру и к взаимной помощи против внешних врагов» [Гоббс, с. 133]. С этого момента решение проблемы отдается на откуп созданного суверенного смертного Бога.

Мыслитель идет по пути законодательного разума, древнейшей традиции, которая получает особое значение в воззрениях Иммануила Канта. «Законы» Платона являются программным документом для «руководящего разума», нормативно закрепляющим дозволенное и предустановленное

свыше. Интерпретирующее и скептическое отношение отрицалось как недозволенное и требующее сурового наказания. То есть, изначально порицались даже умеренные проявления инакомыслия, а вся система начинала стремиться к тотальному подчинению власти. Идея умеренной власти, которая подчиняется вводимым ею же законам, вступала в противоречие с пониманием того, что власть должна быть сильной. Не случайно Кант так много внимания уделяет «моральному политику», который действует в соответствии с государственной мудростью и стремится к устранению недостатков. Для этого, по нему, наилучшим образом приспособлена республика. Но и он опасался «деспотически поступающих моралистов», которые действуют по принципу, «что человеческая природа не способна к добру в соответствии с идеей, предписанной разумом» [Кант, 7, с. 41].

Создание сверхбольшого политического тела – Империи, является путем по формированию субъекта с низким горизонтом событий, социальном варианте Черной дыры. И как своеобразно замечает Ю. Эвола: «*Это глубокое заблуждение считать, что государство может быть чем-то иным нежели *civitas diaboli* ("дьявольская организация"), если он не восстановлено как Империя; но так же ошибочно желать установления Империи на основе научных, милитаристских, промышленных, "идеальных" или национальных факторов. Империя – в традиционном понимании – есть нечто трансцендентное, и осуществить ее может только тот, кто обладает достаточной силой для преодоления ничтожных жизней ничтожных людей вместе с их аппетитами и сентиментами, вместе с их убогим национальным чванством, вместе с их "ценностями", "фобиями" и идолами*» [Эвола, с. 15-16]. И это ответ тем, кто продолжает считать благом мифологию законов, предписанных как бы разумом. На самом деле упорядочение отношений сплошь и рядом используется в своих интересах теми, кто стремится связать умы людей. Они стремятся к власти и отнюдь не умеренной, руководствуясь, как полагал И. Кант, тремя максимами: *Fas et excusa* (Действуй, и будешь

прощен); Si fecisti, nega (Если и сделал, то отрицай); Divide et impera (Разделяй и властвуй) [Кант, с. 42, 43].

В аспекте понимания ситуации как предполагающей относительную свободу граждан, либо ее полного отрицания, мы можем рассматривать противопоставление Республики и Империи. Стремление к порядку как благу постоянно наталкивается на похищение жизненной энергии. Люди превращаются в пассивных подданных, тот самый ресурс или корм, благодаря которому и существуют власть предержащие и подушенные к «столу» помощники. Чем эта аналогия не иллюстрация для грядущей «Матрицы», «Паразитов сознания» Колина Уилсона или российской версии «Empire V» Виктора Пелевина? Империи не являются мирами созидания и внутреннего развития. Они ориентированы на контроль, поглощение и экспансию во вне. Воля к власти – это единственное что признается достойным действием в этом мире, где царит не разум, а коллективное бессознательное. Не случайно Артур Шопенгауэр критиковал выведение морали из разума у Иммануила Канта, сводя всё к воле. Все отсылки к обоснованной разумом необходимости могут вести лишь к ограничению воли тех, кто принуждается к подчинению и лишению того, что у самого Канта звучит как установка: «Sapere aude! – имей мужество пользоваться собственным умом» [Кант, 8, с. 29].

Понятно, что на это способны только не связанные умы. Остальные же довольствуются выбором сделанным за них. Ограниченное низким горизонтом бытия пралогическое сознание принимает на веру те догматически изрекаемые нормы, которые служат формированию измененной реальности. Ложь об установлении порядка, как и борьба с инакомыслием, путы из табу и традиций, служат цели подмены жизненных целей, отравления их психозами, которые отключают способность к критическому мышлению. Те, кто стоит за этим, действуют подобно дьяволу, который не открывает людям свою истинную сущность, маскируя зло под

добро: «И неудивительно: потому что сам сатана принимает вид Ангела света» (2 Кор 11:14).

Не менее интересно еще одно замечание, которое позволяет нам шире раскрыть суть Империи как всеобъемлющего тела с низким уровнем проявления критического мышления и эмпатии. У Карла Густава Юнга мы читаем: «Печально известен тот факт, что нравственность общества как целого обратно пропорциональна его величине, так как чем больше скопление индивидов, тем сильнее заслонены индивидуальные факторы, а с ними и нравственность, которая целиком зиждется на моральном чувстве и необходимой для него свободе индивида. Соответственно каждый отдельный человек в обществе в определенном смысле бессознательно хуже, чем он же, действующий в одиночку, поскольку общество "несет" его в себе и в соответствующей степени он освобожден от своей индивидуальной ответственности. Любое большое общество, состоящее из вполне замечательных людей, по нравственности и интеллигентности равноценно неуклюжему, тупому и свирепому животному. Ведь чем крупнее организации, тем более неизбежны и их имморальность, безнравственность и беспросветная тупость (*Senatus bestia, senatores boni vin* / Сенат – чудовище, но сенаторы – люди достойные)» [Юнг, с. 177].

Теперь посмотрите на природу ситхов, потомков темных джедаев и коренных ситхов, их правителей. В этом искусственном мире, расширенной вселенной «Звездных войн», Империя предстает в качестве цели и итога по воплощению Темной стороны Силы. При этом реализовывался довольно простой принцип: «Сильный лидер строит сильную империю» [Уоллес, с. 33]. Поэтому весь путь адептов Тьмы и состоял в наращивании силы и соединении ее с внешней агрессией. Им не дано видеть хорошую сторону в бытии, которое они воспринимают как арену постоянных сражений.

Ситхи были народом жившим на планетах Зиост, Хар-Дельба, Рельг, Крейясс и Коррибан, где некогда создали собственную Империю. Они поклонялись Темной стороне и уважали только силу [Уоллес, с. 18].

Изгнанные темные джедаи считали ситхов примитивным народом, но их способность к Темной стороне силы, стремление к войне и кастовая структура были использованы в дальнейшем, получив внешнюю санкцию. И в этом мы можем усмотреть ту аналогию, которая возникает при сравнении с явлением людей «длинной воли». Орды кочевников-разрушителей приводились в движение, стремясь к уничтожению всего того, что было связано с устойчивыми системами бытия. Тем самым, начавшись как конфликт с родоплеменными устоями, ситуация выходит на уровень конфликта с окружающим миром.

Стоит попутно заметить, что сама идея пассионарного толчка интересна, хотя она и не может объяснить, где и когда небольшие группы пассионариев обретают силу, способную подтолкнуть существующие этносы на формирование суперэтносов. Впрочем, то, что источником для такого движения выступают изначально именно такие группы не вызывает принципиальных возражений. В нашем случае эту роль выполнили темные джедаи-изгнанники. А вот результат был достигнут не благодаря завоеваниям новых ситхов, а в ходе внедрения теми в мир Республики своего агента.

Источниками для достижения Палпатином абсолютной власти стали три идеи: слабость подчиненных, гнев и управление жизнью. Благодаря этим идеям он раскрыл и смог реализовать свою сущность как владыки Дарта Сидиуса. Первая идея базировалась на культивировании страха, насаждения его среди всех. Используя иллюзию наступающего распада Республики, страх грядущей войны, Палпатин подчинил себе сенаторов и народы: «Джедаи не хотели войны, но у них не оставалось выбора. Они должны были присоединиться к борьбе, чтобы не заработать всеобщего презрения. Там, на передовой, моя война сражала моих врагов и разрушала их мораль до тех пор, пока они не приблизились к краю Темной стороны» [Уоллес, с. 149]. Став «спасителем» мира уже не церемонясь он расправился с неудобными ему джедаями, а заодно и с теми, кто отказывался подчиняться его правлению. Но и тогда «обычный сенатор с планеты Набу» продолжал скрывать то, что во

главе Империи стоят повелители ситхов, продолжая играть роль обычного человека. Сила двуличия базируется на том, что слабоумные не стремятся рефлексировать, оставаясь жертвой навязанных ожиданий и самообмана.

Гнев выступает как союзник воли, заставляя окружающих признавать право правителя на выражение неудержимой мощи, насилия и страсти к разрушению. Гнев, как и страх, имеет природу вируса, поражая массовое сознание и сея семена раздора. Подданные начинают подражать поведению тех, кто ими правит. Тем более что подражание как бы заложено в тех же людях самой природой, формируя изначальную групповую идентичность. Поэтому и перенос представлений и поведенческих моделей выглядит вполне естественным.

Управление жизнью призвано обеспечить как продление жизни самого правителя, так и формирование подданных с подавленной волей и сознанием в соответствии со своими задачами. И хотя здесь речь идет об алхимии, ее вполне можно рассматривать в качестве метафоры. Превращение в бога, способного к созданию собственного мира, приводит к мифологии и верованиям, которые заменяют любые формы запроса на разум. Что же до техники Темного перемещения, то эта идея не кажется сегодня фантастической. Стоит вспомнить о том, что перенос сознания на электронного носителя – аватара, совсем скоро позволит правителю забыть о неумолимо тикающих «часах жизни». Пожалуй, это одно из самых сокровенных желаний тиранов всех времен и народов. Здесь же реализуется известный принцип – «государство – это я», когда бесчисленные поколения подданных живут при одном автократическом владыке.

В этом аспекте обращает на себя внимание то, что Сидиус-Палпатин отменяет «Правило двух» и устанавливает «Правило одного», фактически отменяющего естественный отбор наиболее приспособленного [Уоллес, с. 156]. Отныне ученик не мог претендовать на то, чтобы однажды превзойти своего учителя и убить того, чтобы занять его место. Показательно, что в своей картине демонических правителей уицраоров Даниил Андреев

прописывает идею смены родителей детищами, которые обязаны пожрать сердце своего предка [Андреев, с. 209]. Примерами этому могут служить убийство последнего русского царя Николая II, организованного большевиками в 1918 году или разоблачение культа личности Иосифа Сталина на XX съезде КПСС в 1956 году. В постсоветскую эпоху о нечто подобном можно рассуждать, как об отрицании роли предыдущего Президента России Бориса Ельцина, пришедшим ему на смену Владимиром Путиным. В переносном смысле он «пожрал» сердце своего отца и всячески стремится не допустить появления преемника. Такова природа самодержавия, где только один является полновластным господином, а всем остальным отводится роль слуг и рабов.

Похоже, что здесь совсем нет места патернализму, а действует общее психическое состояние, эмануемое свыше. В рассуждениях Д. Андреева это представлено как восприятие на бессознательном уровне комплекса национально-государственных чувств, спускаемых сверху уицраорором: «Благоговение перед своим государством (не перед народом или страной, а именно перед государством с его мощью), переживание самого себя как участника в грандиозной деятельности великодержавия, культ кесарей или вождей, жгучая ненависть к их врагам, гордость материальным преуспеванием и внешними победами своего государства, национальное самодовольство, воинственность, кровожадность, завоевательный энтузиазм – все эти чувства, выявляющиеся уже в пределах человеческого сознания, могут расти, распухать, гипертрофироваться лишь благодаря этой уицраориальной энергии» [Андреев, с. 211].

Тиран прописывается в подсознании своих подданных, преклоняющихся перед силой и властью, правом на насилие и принуждение. В этом мире нет свободы для людей, а есть долг, определяющий их полезность или бесполезность для автократического правителя. И если попытаться найти исторические корни этой системы, то ближе всего окажутся Восточные деспотии. Именно им принадлежат успехи в

становлении и развитии человеческой цивилизации, ее развитых государственно-политических систем авторитарного типа. Им же принадлежит приоритет в установлении института тотальной власти. Живучесть деспотического строя также указывает на популярность идеи тотальной власти или абсолютизма, мифологии о рациональном и единственно правильном устройстве государства. Статус правителя предопределяет его никем не ограниченные возможности.

Как пишет Карл Виттфогель: «Произвольная жестокость деспота и его столь же произвольное великодушие являются основной мыслью многих документальных свидетельств. Его произвольная жестокость демонстрирует то, что, с учётом очевидных физических и культурных ограничений, он может возвысить или погубить любого, если того захочет. Его произвольное великодушие демонстрирует то, что, с учётом очевидных экономических ограничений, он может делать расточительные траты, не будучи ограниченным каким-либо конституционным органом. Пресловутое очарование дворов правителей Востока является лишь экономическим выражением деспотического контроля правителя над его подданными» [Виттфогель]. В любой момент самодержавный потенциал ставит на место всех тех, кто стремится оказывать влияние на правителя и их ожидает, в лучшем случае, опала. Самовластие, по сути, являясь не ограниченным проявлением воли, не может не вести ко злу.

Речь идет о разращении властью, когда впору уже говорить о клинике. Так Дэвид Оуэн делает вывод о том, что пребывание у власти вызывает гибрис-синдром: «Характерная черта гибрис-синдрома – упорная приверженность порочному политическому курсу, неспособностью признать, что при выборе его была допущена ошибка. <...> При деспотическом правлении, когда отсутствует демократический контроль, а внутренних сдерживающих механизмов слишком мало, ситуацию способен изменить только государственный переворот» [Оуэн, с. 15, 16]. Хуже всего, когда опьяненный властью правитель начинает считать себя носителем великой

идеи или миссии. Подобно Дарту Сидиусу он мнит себя воплощением высшего начала, мифическим героем, а то и реликтовым демиургом.

Список литературы

1. Азимов А. Путь к Академии: Фантастические произведения / пер. с англ. М.: Эксмо, 2009. 800 с.
2. Андреев Д. Роза Мира. М.: Эксмо, 2008. 672 с.
3. Виттфогель К.А. Деспотизм Востока. Сравнительное исследование тотальной власти // Самиздат / URL: http://samlib.ru/s/strahow_a_a/wittfogel-oriental-despotism.shtml#translator (Дата обращения: 22.04.22).
4. Гамильтон Э. Звездные короли / пер. с англ. Кишинев: ЭЯ, 1993. 512 с.
5. Гоббс Т. Сочинения в 2 т. М.: Мысль, 1991. Т. 2. 731 с.
6. Загудяев А. Больше, чем фильм. Как Джордж Лукас придумал «Звездные войны» // Disgusting Men / URL: <https://disgustingmen.com/kino/how-star-wars-was-made-history> (Дата обращения: 17.04.22).
7. Кант И. Сочинения. В 8-ми т. М.: Чоро, 1994. Т. 7. 495 с.
8. Кант И. Сочинения. В 8-ми т. М.: Чоро, 1994. Т. 8. 718 с.
9. Лукас Дж. Звездные войны / пер. с англ. Алма-Ата: Балауса, 1992. 377 с.
10. Оуэн Д. История болезни: Недуги мировых лидеров последнего столетия / пер. с англ. СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2011. 639 с.
11. Роулендс М. Философ на краю Вселенной: НФ-философия, или Голливуд идет на помощь: философские проблемы в научно-фантастических фильмах / пер. с англ. М.: ООО Издательский дом «София», 2005. 272 с.
12. Серия Foundation – Foundation series // Википедия / URL: https://wiki5.ru/wiki/Foundation_series (Дата обращения: 19.04.22).
13. Уоллес Д. Книга ситхов: Тайны Темной стороны Силы // Jedi Council / URL: https://www.jcouncil.net/downloads/book_of_sith_rus.cbr (Дата обращения: 20.04.22).
14. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 2. Всемирно-исторические перспективы / пер. с нем. М.: Мысль, 1998. 606 с.
15. Эвола Ю. Языческий Империализм / пер. с нем. М.: Историко-религиозное Общество «Арктогея», 1994. 172 с.
16. Юнг К.Г. Психология бессознательного / пер. с англ. М.: «Когнитивный Центр», 2010. 352 с.
17. Glubb John Bagott. The Fate of Empires and Search for Survival // <http://people.uncw.edu/kozloffm/glubb.pdf> (Дата обращения: 21.04.22).

4. И снова империя зла: пролог

Мы небо Вселенной пеплом покроем,
Есть грозная сила – Смерти звезда.
Мы править с ней станем железной рукою,
Пусть в страхе Галактику держит она.

Свои расширяем господства границы,
Вселенную держит в панике флот.
Врагов наших в ужасе корчатся лица,
Нас Вейдер к захвату власти ведет.
Будкин М. Текст Имперского марша.

Империи – это всегда проблемы. Создаваясь для вечности, они не могли отменить закона энтропии. Эти тела нового мирового порядка питаются энергией от поглощения окружающего их мира меньших тел. Собственная энергия, благодаря которой они были рождены, исчезает вместе со свободными радикалами – людьми длинной воли. В мире с низким горизонтом событий им просто нет места, точнее, их существование становится невозможным по тем же самым основаниям – поглощению и перевариванию. Лишь в условиях утраты империями своего могущества и поглощающей силы свободные радикалы появляются вновь, чтобы проверить систему на прочность. И в этом их роль, так как в центре любой империи находится автократический вождь, от дееспособности которого зависит жизнедеятельность всего тела. Доказывать же свою дееспособность вождь должен постоянно, проводя политику экспансии.

И именно здесь обнаруживается та самая темная сторона тиранов, которую попытался языком метафизики описать Даниил Андреев Его спрутоподобные уицраоровы, демоны государственности, опекающие таких правителей, питаются энергией страха, отчаяния, страдания и насилия людей, а сами люди для них не более чем орудия в борьбе с другими уицраорами [Андреев, с. 336]. Поэтому, вполне естественным для данного мироустройства является периодическое появление тех, кто походит для указанной цели больше всего. Эту же функции выполняют и империи, обеспечивая наиболее полное воплощение автократического самодержавия.

По-сути они взаимодополняют друг друга. Из их симбиоза рождаются империи деспотического типа. И государство и правитель здесь являются абсолютной ценностью, вещью в себе и для себя. Они основа мироздания и его собственник, а то, что им не принадлежит должно быть поглощено и освоено. Отсюда же проистекает почти генетическая ненависть к тем политическим телам, которые созданы на совершенно иных принципах.

Нам близка позиция Карла Виттфогеля о том, что следует воздерживаться от однонаправленного рассмотрения эволюции политических систем, а также проводить различие между странами Восточной деспотии и странами Западного мира. В своих рассуждениях он отталкивается от концепции Карла Маркса об азиатском обществе и тех общих форм деспотии, которые существовали от Индии и до России: «Таким образом, на Востоке государство обладало высшей властью над трудом и собственностью своих подданных. Маркс рассматривал деспота как действительного и явного координатора труда населения для гидравлических и других общественных работ и считал отдельных крестьян, владевших землёй, "по существу собственностью, рабами" главы общества Востока. Равным образом он говорил о "всеобщем рабстве на Востоке". В отличие от частного рабовладения классической античности, незначительность которого на Востоке была ему ясна, и в отличие от децентрализованных моделей феодального управления, которые также были ему ясны, Маркс рассматривал связь между деспотизмом Востока и самой важной группой населения как один из типов всеобщего (государственного) рабства» [Виттфогель].

Как не вспомнить рассуждения царя Иоанна IV Грозного о сослужении власти рабов-подданных: «Тот же апостол Павел говорит (и этим словам ты не внял): "Рабы! Слушайте своих господ, работая на них не только на глазах, как человекоугодники, но как слуги бога, повинуйтесь не только добрым, но и злым, не только за страх, но и за совесть". Но это уж воля господня, если придется пострадать, творя добро» [Переписка, с. 124]. Впрочем, его поклонник Иосиф Сталин не считал царя достаточно жестким

правителем: «Иван Грозный был очень жестоким. Показывать, что он был жестоким можно, но нужно показать, почему необходимо быть жестоким. Одна из ошибок Ивана Грозного состояла в том, что он не дорезал пять крупных феодальных семейств. Если он эти пять боярских семейств уничтожил бы, то вообще не было бы Смутного времени. А Иван Грозный кого-нибудь казнил и потом долго каялся и молился. Бог ему в этом деле мешал... Нужно было быть еще решительнее» [Сталин, с. 434].

Столь же критичен был и другой тиран Мао Цзэдун, отзываясь о первом императоре Китая Цинь Шихуане: «Он издал приказ, который гласил: "Кто ради древности отвергает современное, род того будет искоренен до третьего колена". Если ты привержен старине, не признаешь нового, то вырежут всю твою семью. Цинн Ши-хуан закопал живьем всего только 460 конфуцианцев. Однако ему далеко до нас. Мы во время чистки расправились с несколькими десятками тысяч человек. Мы поступили как десять Цин Ши-хуанов. Я утверждаю, что мы почище Цин Ши-хуана. Тот закопал 460 человек, а мы 46 тысяч, в десять раз больше. Ведь убить, а потом вырыть могилу, похоронить – это тоже означает закопать живьем. Нас ругают, называют циншихуанами, узурпаторами. Мы это все признаем, и считаем, что еще мало сделали в этом отношении, можно сделать еще больше» [Соловьев].

Восприятие людей в качестве политических рабов обесценивает человеческую жизнь, лишает их чувства внутреннего достоинства и самостоятельности. И речь идет именно о Восточной деспотии, а не рабовладении Античного мира, где были и свободные граждане. Впрочем, здесь имеет значение еще один важный инструмент – это господствующая бюрократия. Интересно, как считает К. Виттфогель, «Маркс скрыл специфические управленческие функции деспотического государства Востока» [Виттфогель]. А ведь именно бюрократия позволила возродить деспотическое правление в той же России после революции 1917 года. Да и теперь уже в XXI веке всё повторилось как в круге вечного возвращения.

Бюрократия как бы служила залогом для сохранения сложившегося строя жизни.

Вспоминая о предупреждении, сделанном Михаилом Бакуниным, о вырождении социалистического государства в деспотизм и рабство, Карл Виттфогель заключает: «Утопические взгляды, которые в убеждениях Маркса и Энгельса первоначально имели прогрессивное ("революционное") качество, лишились "всякого практического смысла и всякого теоретического оправдания", когда появились новые прогрессивные социальные силы. Их важность оказалась "в обратном отношении к историческому развитию". В итоге они стали совершенно "реакционными". <...> В теоретическом плане этот реакционный потенциал проявился довольно рано в регрессивном отношении Маркса и Энгельса к азиатскому варианту управленческого и бюрократического деспотизма. В практическом плане этот реакционный потенциал проявился в колоссальном масштабе, когда через девять месяцев после падения полууправленческого аппаратного государства царской России большевистская революция проложила путь к восхождению тотального управленческого аппаратного государства в СССР» [Виттфогель].

То, что бюрократическая деспотия была, не только сохранена большевиками, но и вышла на новый для нее качественный уровень, полагаем, нет ничего удивительного. Пограничное положение страны как бы между Западом и Востоком создает иллюзию постоянно осуществляемого выбора пути. Россия исторически была и остается вариантом Восточной деспотии. Те заимствования с Запада идей, институтов, товаров и технологий, о которых принято говорить, не меняли воспроизводства социально-политических отношений. Поэтому периодически открывавшиеся «окна возможностей» и не приводили страну на путь принятия ценностей свободы и защиты частной собственности. И тот же Петр I, объявленный императором на иноземный лад, продолжал вести себя, как писал А.С. Пушкин, словно он «нетерпеливый самовластный помещик» [Пушкин, с. 413]. По заключению историка В.О. Ключевского: «Реформа Петра была борьбой деспотизма с

народом, с его косностью. Он надеялся грозою власти вызвать самодеятельность в порабощённом обществе и через рабовладельческое дворянство водворить в России европейскую науку, народное просвещение как необходимое условие общественной самодеятельности, хотел, чтобы раб, оставаясь рабом, действовал сознательно и свободно. Совместное действие деспотизма и свободы, просвещения и рабства – это политическая квадратура круга, загадка, разрешавшаяся у нас со времени Петра два века и доселе неразрешённая» [Ключевский, с. 203].

Деспотизм с налетом европейскости можно считать просвещенным абсолютизмом только с очень большой натяжкой. Игры Екатерины II в просвещение и ее заявление о том, что Россия есть держава европейская, было сугубо декларативными действиями. Никем не ограниченное самовластие являлось корнем всей самодержавной системы, а некие вольности и послабления зависели от прихоти правителей. Трудно даже попытаться представить подписание ими документа аналогичного «Великой хартии вольностей» (1215 г.). В условиях неограниченного права на произвол соблюдение такого чудом появившегося договора было бы еще более сказочно.

Деспот-реформатор видит в своих подданных только ресурс, которым волен распоряжаться по своему усмотрению. Поэтому даже ближайшее окружение не более чем хорошо обеспеченные титулованные слуги. О чем, собственно говоря, и писал маркиз Астольф де Кюстин, наблюдая за поведением вельмож, которое он сравнил с тем, как ведут себя слуги. Его описание самовластия времен Николая I вполне применимо и для характеристики «вечного самодержавия» в России: «Невозможно ни на мгновение забыть об этом единственном в своем роде человеке, который мыслит, судит и живет за всю Россию: человек этот воплощает в себе знание и сознание собственного народа, предвидит, оценивает, повелевает и определяет, в чем нуждаются и на что имеют право притязать его подданные, которым он заменяет разум, волю, воображение, страсть, ибо под его тяжелой

пятой ни одному существу не дозволено ни дышать, ни страдать, ни любить вне пределов, очерченных заранее верховной мудростью, предусматривающей – или, во всяком случае, обязанной предусматривать – все потребности своей державы» [Кюстин, с. 474].

Загадку же российских устоев де Кюстин выразил в качестве парадокса, на который он не в состоянии был ответить: «...характер ли народа создал самодержавие или же самодержавие создало русский характер» [Кюстин, с. 114]?

Естественно, что любая критика здесь в России будет восприниматься в штыки как происки внешних и внутренних русофобов. Самолюбие и мания величия, нетерпимость к малейшему сомнению в превосходстве, создает монстра из любого человека, который превратился благодаря власти в род дракона. Впрочем, это будет лишь констатация некоего факта, когда один человек и некое его окружение оказываются способными к созданию условий для образования и поддержания огромной власти. И здесь, думается, нет места даже для подобия условного общественного договора, идеи, которая излагалась некогда Томасом Гоббсом, Джоном Локком и Жан-Жаком Руссо. Что же тогда?

Речь, несомненно, пойдет о способе организации общественных отношений, политико-социальном строе. Стоит вспомнить ответ царя Николая II, данный им на вопрос о роде занятий во время Всероссийской переписи населения в 1897 году: «Хозяин земли Русской». Думается, что этот ответ касался не только и не столько кабинетских земель, то есть земель, находившихся в собственности царской фамилии и управлявшихся Кабинетом его императорского величества. Вся земля Русская рассматривалась им как собственность или вотчинные владения, которые заселены подданными. Ричард Пайпс подробно остановился на исследовании этого феномена. Исследователь делает вывод: «...основополагающие черты российской политической жизни проистекают из отождествления суверенитета и собственности, иными словами, из "собственнического"

подхода к политической власти, которым обладают стоящие у кормила правления» [Пайпс, с. 41]. Не менее интересен его вывод о том, что модернизация вотчинных институтов стала прологом к оформлению в России тоталитаризма. Фактически, речь с самого начала шла об особом опыте, связанном с созданием и существованием исключительно административно-командной системы властвования.

В рамках такого расширенного вотчинного сознания все население страны рассматривалось как два основных сословия – служилое и тягловое. От былой независимости знати со временем не осталось и следа, она срослась с государственной бюрократией. Возвышение последней достигло своего максимума в Советском Союзе, когда появился привилегированный класс номенклатура. К слову, довольно сложно что-либо добавить к описанию этого явления, данного Михаилом Восленским, представившим исторический путь номенклатуры от захвата власти до господства в сфере производства: «Номенклатура осуществляет в первую очередь именно политическое руководство обществом, а руководство материальным производством является для нее уже второй задачей. Политическое управление – наиболее существенная функция номенклатуры» [Восленский, с. 122]. Фактически номенклатура обеспечивала сохранение деспотических устоев и продолжает это осуществлять в постсоветский период. Исчезновение системы партийного надзора в духе идеологических скреп сути не поменяло. После непродолжительного периода утраты ею своих позиций, все вернулось на круги своя. Ведь служение власти для нее является самой значимой целью. Ибо если «буржуазия – класс имущий, а потому господствующий», то «номенклатура – класс господствующий, а потому имущий» [Восленский, с. 123].

Вместе с тем не стоит считать номенклатуру рациональной бюрократией, так как она формируется не столько с позиции пользы делу, сколько по принципу «дурак, но свой». По сути, ею выполнялась роль всё той же опричнины, и многое зависело от того, находился ли социум в состоянии

полной покорности или происходили подвижки к освобождению. Ведь именно она определяла границы жизнедеятельности в стране. Чиновники категории «А», руководители силовых ведомств, главы госкорпораций и банков, денежные мешки на доверии – это современный вариант номенклатуры и исторически сложившейся политарной системы. Ложная картина политического устройства активно используется власть предержащими и их слугами для создания иллюзии современного государства, где есть президент, парламент, разделение властей, федерализм, свободные выборы, самоуправление и политическая борьба. Точно также создавалась иллюзия народовластия в советскую эпоху, обеспечивая ничем не ограниченное самовластие вождя и мнимое величие его империи.

То, что однажды вскрыл президент США Дональд Рейган, дало понимание сути этой империи как зла. За внешне провозглашаемым атеизмом скрывался отказ от этических норм, представлений об эмпатии. Для избегания двусмысленности приведем полную цитату: «Позвольте нам помолиться за спасение всех тех, кто живет в той тоталитарной темноте. Просите, чтобы они обнаружили радость милосердного Бога. Но пока они проповедуют всемогущество государства и его превосходство над личностью, пока они веруют в свое будущее господство над всеми народами земли, они – центр зла в современном мире. Самое страшное зло совершается даже не в концентрационных трудовых лагерях, где мы видим конечный результат этого зла. Зло задумывают и приказывают исполнять в чистых теплых кабинетах с хорошим освещением и ковровыми дорожками тихие люди в белых воротничках, со стриженными ногтями и гладко выбритыми щеками, которым не нужно повышать голос. Но из-за того, что эти тихие люди не повышают голос, из-за того, что они, как и диктаторы до них, в конечном счете, требуют лишь отдельной территории, кому-то кажется, что нам стоит принять их такими, какие они есть. Я убеждаю Вас высказываться против тех, кто поставил бы Соединенные Штаты в положение военной и моральной неполноценности. В ваших обсуждениях по ограничению ядерных

вооружений остерегайтесь искушения гордости – искушение блаженного объявления выше происходящего, маркировать обе стороны одинаково ошибочно, игнорировать факты истории и агрессивных импульсов империи зла, просто называть гонку вооружений гигантским недоразумением и таким образом удалять себя из борьбы между правдой и ложью, добром и злом» [Речь].

Можно обвинить Рейгана в том, что он мыслил библейскими установками на противостояние добра и зла, перенося их в плоскость противоборства политических систем. Этот аспект кажется очевидным. Как отмечает Генри Киссинджер, говоря о 40-м президенте США: «Он рассматривал библейские ссылки на Армагеддон как оперативные инструкции» [Киссинджер, с. 696]. Идя по этому известному пути исследования, мы легко приходим к не менее традиционному подходу, связанному с поиском и характеристикой врага. Враг же должен вызывать отвращение, что позволяет видеть в нем не просто иного, но сосредоточение отвратительного античеловеческого зла. Ведь люди в своей массе мыслят психологически, а не логически. На них и направлен процесс стигматизации тех, с кем необходимо бороться.

Вместе с этим необходимо понимание и того, что противостояние, точнее, реакция на внешнюю агрессию, связана не с устойчивым желанием иметь врага, а с явлением мегалотимии. В своем крайнем проявлении страсть к превосходству как раз и проявляется там, где автократии принципиально исключают иные формы сосуществования. Градус нетерпимости поднимается до точки кипения и выливается наружу, ошпаривая и дегуманизируя максимально достигаемое окружающее пространство. Раздувшееся при этом самомнение, как правило, ведет к фатальным ошибкам. Иррациональное торжествует, в экстазе соединяя вождей и народ, заставляя отплясывать танец святого Витта, чтобы в итоге погибнуть от истощения. И без этоса уже сложно разобраться в первопричине.

Когда Г. Киссинджер пишет о фатальном просчете раздувшегося империализма Советов, он склонен говорить о руководстве страной, а не о том состоянии социума, где это руководство комфортно существовало десятилетиями: «Да и не в состоянии были советские руководители признаться самим себе, что их система была смертельно поражена неспособностью генерировать инициативу и творческий порыв; что на самом деле Советский Союз, несмотря на всю свою военную мощь, являлся все еще весьма отсталой страной. Причины, которыми руководствовалось советское Политбюро, душили творческие способности, необходимые для развития общества, и мешали его устойчивости в конфликте, который само Политбюро спровоцировало» [Киссинджер, с. 696].

Подпитка иррациональными ожиданиями чуда, имитация успехов и заботы о народе, самообман превосходства, – лишал людей собственной воли, порождая веру в тех, кто готов был обещать забрать у других жизненные блага. Таким образом, появлялся род консенсуса или общественного договора между правителями-бандитами и опекаемыми ими стадами подданных. Нередки здесь и отсылки к прошлому, призванные доказывать преемственность общности, как и понимание того, что текущие трудности не более чем временный дискомфорт. Строго регламентированная социальная активность способствовала подмораживанию проявлений спонтанного свободомыслия, недовольства закостеневшими устоями. Собственно говоря, идеология, где сочетались иррациональные и рациональные начала, была направлена на сохранение навязываемого сверху мифа или, воспользовавшись понятием Мирче Элиаде, сведению «художественной вселенной» к первоматерии [Элиаде, с. 188].

Сила метанарраций известна, но рано или позднее жизненные драмы и несбывшиеся надежды, начинают оказывать свое разрушающее воздействие. На первое место выходит ритуал и рост иждивенческих настроений, порождая варианты карго-культа. Падает желание трудиться для достижения не только общих целей, но и роста собственного уровня жизни. Фабрис

Фассио на основании рассуждений Александра Зиновьева отмечает: «Во времена Леонида Брежнева число таких людей, которых официально называли «паразитами», значительно возросло, став причиной возникновения мощной тенденции отказа от обязательной работы. В более общем плане Александр Зиновьев отмечает, что к концу брежневской эпохи этот феномен накопления отклонений от нормы значительно усилился в некоторых областях жизни советского общества: влияние официальной марксистско-ленинистской идеологии на умы людей существенно сократилось, на уровне руководства республик и центральной власти сформировались мафии, контроль плановых инстанций над производителями благ и услуг серьезно ослаб, в экономическом секторе возросло число случаев мошенничества и т.д. В итоге бесчисленные маленькие ручейки отклонений от нормы объединились в могучую реку и сформировали тенденцию к появлению кризиса» [Фассио]. Все дальнейшие попытки спасти ситуацию, к успеху привести не смогли, так как нарастала общая апатия и неверие, обида на вождей, их ложь.

А еще оставался осадок, – обида на окружающий мир, всех тех, кто не признал превосходства самого «передового» общественного строя. И в этот момент ожили демоны тимоса, производные темной стороны борьбы за признание, существовавшие «в гегелевском описании кровавой битвы за признание, поскольку жажда признания вызвала к жизни первобытную битвы и привела в конце концов к господству хозяина над рабом. Логика признания в конечном счете привела к жажде *универсального* признания, то есть к империализму» [Фукуяма, с. 283]. В итоге родились надежды на возрождение мифологического мира, который в силу противодействия извне (пресловутый Запад) и изнутри (пятая колонна) не был по настоящему воплощен.

И здесь необходимо сказать, полагаем, об одном важном аспекте политической жизнедеятельности России. Ни одна из так называемых национальных идей не стала основополагающей. Начиная с «Москва – третий Рим», «Православие. Самодержавие. Народность» или воплощения в жизнь

идеи богочеловечества Владимира Соловьева, вплоть до эпохальной «Наша цель – коммунизм», мы видим желание власть предержащих обнаружить механизм идеальных скреп для общественного сознания. Поддержку им оказывают не только ур-патриоты, но и самоангажированные мыслители. Их рассуждения носят характер приспособленчества и тонкой игры на стороне властей. Хотя, тут всё довольно просто, так как в автократических системах спрос на интеллект носит весьма ограниченный характер. Появление воли к знанию возможно только в системах либерально-демократических, но вот незадача, интеллектуалы этому как раз и противостоят.

Сошлемся для примера на рассуждения профессора и президента Ноосферной общественной академии наук А.И. Субетто: «Чтобы человечество сохранилось для будущей истории, необходимо, чтобы сохранилась Россия, а чтобы сохранилась Россия – нужно, чтобы русские люди оставались самими собой, т.е. не занимались подражанием Западу, чтобы Россия развивалась по своим законам – законам евразийской, соборной цивилизации. Что значит, чтобы русские люди оставались самими собой? Это значит, чтобы в них сохранялись те свойства – всечеловечность, всемирная отзывчивость, доброта, любовь к людям и к природе, земле, о которых говорил Ф.М. Достоевский в своей речи о всемирном значении гения Пушкина, – которые и делают русского человека Человеком с большой буквы, и которые несут в себе, при их распространении на всех людей мира, спасение миру людей!» [Субетто, с. 97].

Патетика в словесных изречениях, а это тот стиль, который использует данный мыслитель, зашкаливает и мало подходит для научного анализа. Не объясняется здесь и то, кто и зачем взвалил на целый народ миссию страдания за всех и противостояния всему миру. В первую очередь это относится к Западу, чему в немалой степени способствуют востребованная властью мифология и суррогаты представлений. При этом остается тот парадокс, что творимый властью произвол мало соотносится с поведением собственной элиты, которая совсем не против жить на западный манер.

Народу же отводится роль биоресурса, сообщества связанных умов, призванных обеспечивать жизнь тех, кто весьма далек от провозглашаемого идеала, цинично рассуждая о «глубинном народе». Поэтому появление несвязанных умов и открытого общества рассматривается как недопустимая опция, ведущая к разрушению «вечного» самодержавия. Идея «господства – подчинения» подменяется мифологией о грядущей народной монархии в духе Ивана Солоневича, который предлагал видеть в России одну из древнейших империй – родившуюся как «империя Рюриковичей» [Солоневич, с. 14].

Нам предлагают увидеть благородную империю: «Никаких следов эксплуатации национальных меньшинств в пользу русского народа. Никаких следов порабощения финских племен времен освоения волжско-окского междуречья. "Беспощадная эксплуатация Кавказа", при которой проливалась русская кровь, а миллионерами и министрами становились Лианозовы, Манташевы, Гукасовы, Лорис-Меликовы – и даже Сталины, Орджоникидзе и Берии. Один из результатов: Рим и Лондон богатели за счет ограбления своих империй, центр русской государственности оказался беднее всех своих "колоний". Но – оказался и **крепче**» [Солоневич, с. 18]. Такая вот версия российской истории, где нет места пониманию того, что деспотизм вбирает в себя подвластные народы, деформирует их сознание и подчиняет цели собственного существования. Сам Солоневич больше обеспокоен восстановлением того исходного кода в образе допетровской старой Московии, где было, по его мнению, исключено тлетворное влияние Запада. Он также усиленно обсуждает тему внешней угрозы и тех негативных условий, в которых сформировалась «русская государственность». Его идеал – это аксаковская формула: «Народу – сила мнения, Царю – сила власти» [Солоневич, с. 45].

Тут впору вспомнить про нетерпимость абсолютизма к любому проявлению свободомыслия, как и про большие сомнения по поводу способности народа на производство собственного мнения. Следуя авторитетному представлению Пьера Бурдьё, можно говорить лишь о

мнениях сформированных мобилизованными группами и группами давления [Бурдые, с. 177]. С учетом же того, что Солоневич выступает против аристократии и начальствующей бюрократии, тех же групп давления, то фактически речь идет об очищенной и никем не контролируемой власти самодержца. Возможно, что как мыслитель Солоневич понимал эту опасность, вводя в свои рассуждения идею того, что власть царя должна быть властью среднего, средне разумного человека над такими же средними, средне разумными людьми [Солоневич, с. 91]. Критикуя всевозможные утопии, он сам, как мы видим, стал заложником собственной утопии, наивно полагая, что возможно существование мира умеренного человека. Да и антиинтеллектуализм тиранов едва ли служит препятствием к пониманию своей личности.

Власть без властвования для автократа всё равно, что обладание гаремом, но не иметь возможности удовлетворения сексуальных потребностей. Даже садизмом можно пресытиться. Хотя, среднему человеку это тоже недоступно. Его влечение к деятельности равно той усталости, которой он достигает как конечной цели. В итоге должно было бы произойти то, что описал в своей «Утопии уставшего» Луи Борхес: «- А что произошло с правительствами? - По традиции, они постепенно выходили из употребления. Ими назначались выборы, объявлялись войны, собирались налоги, конфисковалось имущество, предпринимались аресты и вводилась цензура, и никто на земле их не читал. Пресса перестала публиковать их декларации и изображения. Политикам пришлось подыскивать себе достойные занятия: одни стали хорошими комиками, другие -- хорошими знахарями. В действительности все было, конечно, намного сложнее, чем в этом моем рассказе» [Борхес, с. 313].

Так что, если и есть установка на средне разумного человека, то только как на верноподданного. Такой верноподданный лишен собственных убеждений и обязан приспосабливаться к обстоятельствам и артикулируемым властью предрешенным идеям. Подчиненность рождает особую психологию,

связанную с культом поклонения правителю или вождю, причастности к великой миссии.

Представление о таких верноподданных в художественной форме предложил Генрих Манн, увидев в них электорат грядущего фашизма, явления «клокочущего энтузиазма»: «Там, под триумфальной аркой, скакала на коне сама власть, с каменным ликом и испепеляющим взором. Власть, которая растаптывает нас, а мы целуем копыта ее коня. Которая растаптывает все и вся – голод, бунт, насмешку. Перед которой мы безоружны, потому что мы ее любим. Она вошла в нашу кровь, потому что покорность у нас в крови. Мы лишь атом, бесконечно малая молекула ее плевка. Каждый из нас в отдельности – ничто, но всей своей массой, такими мощными ступенями, как новотевтонцы, армия, чиновничество, церковь и наука, торговля и промышленность, могущественные объединения, мы поднимаемся пирамидой до самой вершины, туда, где пребывает она, власть с каменным ликом и испепеляющим взором! Жить в ней, быть ее частицей, беспощадной ко всем, кто не с ней, и ликовать, хотя бы она растаптывала нас, ибо этим-то она и оправдывает нашу любовь!» [Манн, с. 58-59].

Отметим, что рассмотрение проблематики через возрастание или снижение верноподданности дает больше, чем идея патриотизма, который, даже будучи радикальным, может оказаться проявлением гражданского сознания. Поэтому, скажем, снижение верноподданнических настроений в истории России в 1917 или в 1991 годах, видится как затухание и распад прежней системы автократической власти. Встречное движение мы наблюдаем уже в наши дни после 2014 года, когда число сторонников президента России В.В. Путина приблизилось к 80% населения страны. Голоса разума потонули в массовом восторге: «Крым наш»!

Так в лучах славы появился образ скорого возрождения грозной империи. Нежелание мыслить превратило людей в Панургово стадо. Они – ресурс, призванный поддерживать существование сил грядущего универсума. Для универсума – культ милитаризма, для народа – культ мертвых, – вот

определяющие идеи-нарративы, которые мы обнаруживаем, когда рассматриваем историю страны вечной деспотии. Даже в эпоху устремления к утопии будущего, здесь неизменным оставалась установка на воспроизводство самодержавия как цели в себе. Как заметил Михаил Эпштейн в далеком 1988-м, люди здесь, готовящиеся к светлому преображению жизни, забивались всё глубже во мрак, а сладкому предпочитали горькое и любили запах дыма [Эпштейн, с. 9].

Мрак это и есть провозвестник наступления мира без света, где нет жизни, а только прозябание, небытие, отсутствие существования, где смерть это единственная реальность. Тем самым можно говорить лишь о призрачном существовании и если бы не устремленность к захватам окружающего мира и народов, то автаркия давно победила бы. И эта та особенность, которую мы обнаруживаем, рассматривая российский опыт создания империи. Можно предположить, что в этом действии есть что-то от «похода некромонголов» и поведения ситхов, стремящихся попать естественный путь развития, загнав жизнь в состояние анабиоза. Они даже размножаются, подчиняя себе живых, обращая их в орудия по насильственному распространению культа не-жизни. Тем самым, в самой экспансии во вне скрыта смерть Вселенной, когда не останется тех, кто мог быть обращен в некройда.

Из этого противоречия может родиться только шизосистема, не дающая потомства химера. Установка на реставрацию абсолютизма при этом оказывается фантазмом, так как жизненная энергия стремится к нулю, а все разговоры сводятся к тому, что можем показать, где живет мать Кузьмы, у нас есть ядерное оружие, Звезда Смерти и тому подобные средства, чтобы организовать наступление Судного дня. Самовластие в этих условиях оказывается заложником тех же установок, творя насилие и отрицающее гуманизм зло. Более того, сам правитель, как и Империя, являются результатом спроса на реставрацию известных образов, в том числе и насилия. Это уже не оригиналы, а очередные копии, т.е. симулякры, нечто похожее, но с уже измененным содержанием. Подлинной здесь остается

только сама идея, сверхкод, – воссоздание Сверхдержавы. А вот той самой оригинальной исторической России князей, царей и императоров, даже генеральных секретарей, вы уже не найдете.

Более того, в этом «проекте» нет никакого нового жизненного содержания. Но зато много пустословия и ритуальных жестов: «Нам сегодня всем нужна великая Святая Русь, империя, которая построена на традиционных принципах русского уклада. Потому что русский народ – народ богоносный, вся наша история это доказывает: мы всегда останавливали зло, о русский рубеж зло всегда разбивалось, мы спасали цивилизацию от сползания в крайние человеконенавистнические формы, истребляющие лучшее в человеке» [Изборский клуб, с. 16]. Всё о чём здесь говорится, так это о ценности возврата в прошлое, дурной цикличности и вечном переизобретении правильного прошлого для отдельно взятого народа-мессии. Про самозванство, как и про присваивание чужих идей и представлений, мы уже молчим. Это самое масштабное явление, требующее отдельной публикации, которая не может не вызвать проклятий в адрес автора.

Все разговоры за избранный народ, его глубинность, симфонии и соборности оказываются достаточными, чтобы отключить способность критически мыслить. А без этого крайне сложно объяснить повторы в истории России, где царили «нищета и беззаконие, цензура и техническая отсталость, полицейские репрессии и международная напряженность». Все же возможные изменения зависели от прихоти новых молодых правителей и очередного глобального потрясения, перед лицом более развитого противника. Но и при этом неизменным оказывался контроль со стороны авторитарной власти [Соколофф, с. 22-23]. Вожжи, что говорится, лишь слегка отпускали и всегда наготове держали кнут, напоминая постоянно о том, что речь идет не о мирной повозке, а о боевой колеснице. Поэтому, за всё время российской истории этатизм ориентировался не на рост сознания людей, а на их готовность подчиняться, быть покорными судьбе.

Сохранение абсолютизма в этих условиях является целью в себе. Поэтому, скажем, нынешняя конфронтация с Западом, как и борьба с либерализмом, уже не имеет идейной основы советской эпохи. Ничего нового предложить российские власти не могут, взывая теперь к защите крошки из ископаемых традиционных ценностей. Но таков удел симулякров, готовых насаждать инсценированные образы бытия и пугать обывателей своей смертью: «В итоге игра во власть становится лишь опасной одержимостью власти – одержимостью своим умиранием и своим выживанием, которая растет по мере исчезновения власти. Когда она исчезнет окончательно, логически, мы окажемся перед полной иллюзией власти – идеей фикс, которая уже заметна всюду и выражается одновременно в непреодолимом желании избавиться от нее (никто больше не желает власти, и каждый перекладывает ее бремя на кого-то другого) и в панической ностальгии от ее утраты» [Бодрийяр, с. 36].

Проку от такой власти мало, но есть реальная опасность торжества самодурствующих какократов (власти наихудших). Тем более что даже в таком измененном состоянии перед нами оказывается не новое, а искаженное воспроизводство прежней властной идеи. А это значит, что мир находится в большой опасности, когда не способные к экспансии владыки решат: Так не доставайся же ты тогда никому!

Список литературы

1. Андреев Д. Роза Мира. М.: Эксмо, 2008. 672 с.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. с фр. М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. 240 с.
3. Борхес Х.Л. Собрание сочинений: в 4 т. СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2011. Т. 3. 703 с.
4. Бурдьё П. Социология политики / пер. с фр. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.
5. Виттфогель К.А. Деспотизм Востока. Сравнительное исследование тотальной власти // Самиздат / URL: http://samlib.ru/s/strahow_a_a/wittfogel-oriental-despotism.shtml#translator (Дата обращения: 22.04.22).

6. Восленский М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. Overseas Publications Interchange Ltd London, 1990. 671 с.
7. Изборский клуб. Русские стратегии. 2015. № 2 (26). 136 с.
8. Киссинджер Г. Дипломатия / пер. с англ. М.: Ладомир, 1997. 848 с.
9. Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. М. Мысль, 1989. Т. 4. Курс русской истории. 398 с.
10. Кюстин А. де. Россия в 1839 году / пер. с фр. СПб.: Крига, 2008. 704 с.
11. Манн Г. Сочинения в 8-ми т. М.: Художественная литература, 1957. Т. 3. 651 с.
12. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993.
13. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л.: Наука, 1979. 431 с.
14. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10-ти т. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1951. Т. IX. 598 с.
15. Речь Рейгана об «империи зла» // Дилетант / URL.: <https://diletant.media/articles/34587455/> (Дата обращения: 25.04.22).
16. Соколофф Ж. Бедная держава: История России с 1815 года до наших дней / пер. с фр. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2008. 882 с.
17. Соловьев Р. Путь Мао // Проза.ру / URL.: <https://www.proza.ru/2009/11/19/595> (Дата обращения: 23.04.22).
18. Солоневич И. Народная монархия. Мн.: Лучи Софии, 1998. 504 с.
19. Сталин И.В. Запись беседы с С.М. Эйзенштейном и Н.К. Черкасовым по поводу фильма «Иван Грозный». 26 февраля 1947 года // Сочинения. Тверь: Информационно-издательский центр «Союз», 2006. Т. 18. С. 433-440.
20. Субетто А.И. Слово о русском народе и русском человеке: Научное издание. СПб.: Астерион, 2013. 265 с.
21. Фассио Ф. Крах империи зла (как развалился СССР) // Зиновьев.инфо / URL.: <http://zinoviev.info/wps/archives/241> (Дата обращения: 27.04.22).
22. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / пер. с англ. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. 588 с.
23. Элиаде М. Аспекты мифа / пер. с фр. М.: «Инвест – ПП», СТ «ППП», 1996. 240 с.
24. Эпштейн М.Н. Великая Совь. Самара: Издательский Дом «БАХРАХ-М», 2006. 272 с.

5. Палпатин для Империи версии 5.0

Возлюби Императора,
 Ибо Он есть избавление Человечества.
 Повинуйся словам Его,
 Ибо ведет Он тебя к светлому будущему.
 Внемли мудрости Его,
 Ибо хранит Он тебя от зла.
 Пусть шепот твоих молитв напоен будет любовью,

Ибо спасут они твою душу.
Почитай слуг Его,
Ибо от Его имени говорят они.
Дрожи пред его величием,
Ибо все мы ходим в тени Его
Хвала императору. Warhammer 40.000

Что произошло 31 декабря 1999 года? Из множества события нас интересует одно, связанное с судьбою некоего человека и целой страны. Волею Президента Российской Федерации Бориса Ельцина его правопреемником стал Владимир Путин. Стремительный карьерный рост малоизвестного в стране человека начался в марте 1997 года, когда он был назначен на должность заместителя Руководителя Администрации Президента РФ, начальника Главного контрольного управления Президента РФ.

Можно, разумеется, указывать на роль таких влиятельных людей, как Валентина Юмашева, Павла Бородин или Бориса Березовского. Про тайную закулису, как и прочие досужие домыслы, оставим разговоры для любителей конспирологии. Мне ближе реальность, где всегда имеет место сомнение, а еще те события, которые и следует анализировать, прежде чем будут предложены некоторые обобщения. Так и в этой истории есть некоторая цепочка из событий, а отправной точкой мы избрали июнь 1996 года. Это был год выборов Президента РФ и мэра Санкт-Петербурга. Интрига состояла в том, что здоровье Бориса Ельцина оставляло желать лучшего, и была идея перенести эти выборы на более отдаленный срок, вплоть до 2000 года. Со слов Анатолия Собчака, из его книги «Дюжина ножей в спину», он высказался против этой идеи, за что в итоге и поплатился, проиграв 2 июня Владимиру Яковлеву. Как говорится, «пламенный трибун» уступил своему вице-мэру по хозяйственным вопросам – «сантехнику», которого прежде и в расчет не принимали.

Понятно, что активно действующий политик не мог не рассматриваться на предмет возможной конкуренции. Пройдет сравнительно немного времени

и от таких политиков с собственным мнением в России не останется и следа, если не считать Владимира Жириновского, который решил поставить свой дар на службу авторитарной системе. Он и сам был из разряда тех, кто не признавал ни либеральных, ни демократических идеалов. Можно, пожалуй, вспомнить еще про Бориса Немцова, но его судьба как раз и подтверждает мысль о том, что эпоха «вольных» политиков была завершена. Поэтому печальный опыт Анатолия Собчака как раз и дает понимание того, как происходил реванш номенклатуры. Это уже потом будут физические устранения Льва Рохлина, Александра Лебеда и других.

Слишком поздно Собчак понял, что утрата доверия из Кремля дорогого стоит: «Мой избирательный штаб, к сожалению, оказался куда менее эффективным и работоспособным. На его работе сказалось и то, что, видя очевидное дистанцирование Кремля от моей фигуры и понимая, что травля, организованная в средствах массовой информации с участием Генпрокуратуры, идет из Москвы, многие из моего окружения либо переметнулись, либо отошли в сторону до прояснения ситуации. Самым досадным оказалось появление в моем штабе "двойных агентов" и откровенных предателей, которые, подобно Андрею Мокрову, утром работали у меня, а вечером – у Яковлева» [Собчак]. Интересно, что Владимира Путина он продолжал считать своим сторонником и доверял ему. Мы также не имеем права сомневаться в такой оценке, но вот как при таком отношении к А. Собчаку Кремля его зам уже через полтора месяца после отставки оказался в Москве? Случайность или кадровый голод?

Копать глубже, думается, не имеет смысла, так как такой цели изначально не ставилось, чтобы не превратить исследование в набор детективных сюжетов. Полагаю, что вся эта история лишь иллюстрация к тому, как человек попадает в «обойму», так принято было называть в советское время тех, кто становился частью номенклатуры. Восстановление вертикали власти В. Путиным подвело черту под внутренними конфликтами находившейся в состоянии «войны всех со всеми» назначенцами. Но они все

продолжали действовать, руководствуясь прежними лекалами подбора кадров. Поэтому не думаю, что Борис Ельцин и его окружение могли вести себя иначе. Тем более что он никогда не был демократом, о чем еще в том же 1996 году и высказался его бывший пресс-секретарь Вячеслав Костиков [Мороз].

Оказавшись в демократическом лагере, Ельцин оделся в тогу демократа, но остался тем, кто был частью партийно-номенклатурной системы. Его обиды вылились в соответствующую неприязнь к тем, кто недооценил растущих амбиций. Хотя есть и пиетет перед теми делами, которые он совершил в своем новом качестве. Колтон Тимоти совершенно неслучайно пишет о нем, как о «парадоксальном герое» и ставит проблему: «Первоначально я намеревался ограничиться исследованием правления Ельцина как избранного Президента России, а все остальное оставить в качестве вступления. Но чем дольше я работал, тем чаще задавался вопросом, какие прецеденты создали те бурные годы, что сформировало этого человека и его инстинкты, как новый Ельцин, если он в самом деле был тем, кем мы его считали, мог возникнуть из того человека, каким он был вначале. Не совсем понятно, как порождение и представитель диктаторского режима сумел превратиться в его палача» [Колтон, с. 19].

Думается, что сегодня исследователь написал бы более осторожно о том, во что вылилось наследие его героя. Хотя, вопрос можно было задать и тогда: почему выбор преемника (сам по себе факт не демократический) пал не на опытного хозяйственника, видного экономиста или яркого политика и известного в общественно-политических кругах человека, а на выходца из среды чекистов-кромешников? Его, конечно, довольно быстро ввели в структуры власти, назначив главой Федеральной службы безопасности РФ, секретарем Совета Безопасности РФ и в августе 1999 года он стал председателем Правительства РФ. Ссылка на события в Чечне вызывает сомнения, так как речь шла не о всеобщей мобилизации населения страны, а о локальном конфликте. А вот ситуация в стране была откровенно

отвратительной: проблемы с продовольствием, невыплаты зарплат, криминал, нехватка не то, что денег, валюты, высокая смертность и обнищание. И то, что цена за нефть стала высокой, несомненно, позволила новому Президенту стать популярным в стране. Хотя, есть еще один и, наверное, более важный момент.

Накануне президентских выборов 26 марта 2000 года появилось письмо В. Путина к избирателям, где он озвучил цель восстановления государственной власти: «Наша первая и главная проблема – это потеря государственной воли и настойчивости в доведении начатых дел. Наша другая большая проблема – отсутствие твердых и общепризнанных правил. Государству здесь придется начать с себя. Оно должно не только устанавливать равные правила, но и соблюдать их. Чем сильнее государство, тем свободнее личность. "Земля наша богата, порядка только нет", – говорили в России. Больше так о нас говорить не будут» [Открытое письмо].

Фактически был запущен процесс реставрации политической системы – Империи. Пока, правда, речь шла только о вертикали власти и наведении порядка, соблюдении законов, что вполне еще вписывалось в представления о правовом государстве. Даже рассуждения о сильной России тогда не воспринимались в аспекте возрождения сверхдержавы: «Россия уже давно – не урезанная карта Советского Союза, а уверенная в себе держава с большим будущим и великим народом. За последнее десятилетие в сознании людей произошли качественные перемены. Наши граждане еще не богаты, но независимы и вполне уверены в себе. Наша пресса теперь уже – навсегда свободна. Наша армия, с честью выходя из долгого кризиса, становится все лучше и профессиональней. Да, Россия перестала быть империей – но не растеряла свой потенциал великой державы. Мы больше не диктуем никому и никого не удерживаем, зато у нас есть время и силы на самих себя. У нового поколения появился великий исторический шанс – построить Россию, которую не стыдно передать своим детям» [Открытое письмо].

Теперь нужно вернуться к той системе власти в Советской Союзе, которая существовала перед его крахом. Точнее, надо обратиться к социальной иерархии, где на самом верху находилась партийная номенклатура. Благодаря идеологическим скрепам она осуществляла господство над пресловутым «советским народом». Для борьбы с отщепенцами и инакомыслящими к их услугам был КГБ, наследник ВЧК, НКВД и если углубиться в прошлое страны, то и Отделения по охране общественной безопасности и порядка Царской России. И если не считать тех потоков крови, боли и страданий, связанных с действиями новых кромешников, то это такое же номенклатурное учреждение. Об этой обыденности карательного органа высказался такой крупный специалист по номенклатуре, как Михаил Восленский: «КГБ – советское учреждение. У него есть план и отчетность о выполнении, сложная иерархия начальников, поощрения и взыскания, путевки в санатории, партийные и комсомольские собрания, – есть все, что бывает в любом советском учреждении. А значит: есть в КГБ успехи и неудачи в работе, есть и пассивность, и энергия, и бюрократическая глупость, и леность мысли, и взлеты ее, и интриги, и подхалимство – все есть. Нет непогрешимости, безошибочности, сказочной прозорливости, которые расписывает советская пропаганда» [Восленский, с. 429]. Собственно говоря, распад СССР служит прямым доказательством того, что могущественная тайная политическая полиция не справилась с возложенными на нее задачами.

Вместе с тем, именно КГБ оказался самой жизнеспособной структурой. С идеологией и соответствующими партийными структурами такого не произошло. Громогласные заявления о единении партии и народа вызывали в лучшем случае горькие усмешки и тоскливые взгляды на пустые полки магазинов. Ни о какой мобилизации населения на борьбу с трудностями и противостоянии с миром загнивающего капитала речи уже ни шло. Фактически была создана версия карго-культа, где основное место отводилось ритуальным действиям. И если бы было развитие и рост

материального благосостояния, то идея, возможно, как и Советский Союз, существовали и поныне. На самом же деле, очередные решающие и эпохальные съезды КПСС, рассуждения за «развитой социализм» лишь показывали всю глубину системного кризиса. Не случайно, что распад системы начался сверху, где появились думающие люди типа члена Политбюро и секретаря ЦК КПСС Александра Яковлева.

Попробуйте найти в этих его рассуждениях ссылку на марксизм-ленинизм, грядущее торжество коммунизма: «Свершилось главное: в общество пришло понимание, что дальше жить, как жили, просто нельзя, нетерпимо, унижительно. Утверждается реализм взгляда и трезвость мысли. Идет общественное пробуждение. Возрождается достоинство. Все острее боль души и совести. Явственно слышен призыв к верховенству нравственности. Строятся демократические опоры общества. И многое другое, что еще неподсудно времени, что со скрежетом ломает тысячелетнюю парадигму российской истории, что возвещает шаг в цивилизацию нового типа» [Яковлев, с. 4]. Да, далее приводятся ссылки на В.И. Ленина и присутствует идея «реального социализма», но это уже иное, главенствует установка на нравственное развитие, а не на принуждение.

Поражает и нечто совершенно новое, это то, что для критики антисемитизма секретарь ЦК КПСС прибегает к рассуждениям русского религиозного философа Владимира Соловьева [Яковлев, с. 13]. Напомню, что на дворе был 1989 год, тогда как публикации по русской философии начались лишь в 1991 году. Вот когда впору было бы сказать: «Лед тронулся, господа присяжные заседатели!». Идеологические вериги начали снимать те, кто обязан был их носить по определению. Более того, сделаем предположение, что именно необходимостью соблюдать накладываемые идеологией ограничения и вызвали наибольшее психологическое сопротивление в части высшей номенклатуры. В наши дни это выльется в нежелание возрождать идеологию, подмену ее некими сомнительными не жизнеспособными

суррогатами. Ничего лучше вечного противоборства с врагами, защитой ископаемых ценностей времен Домостроя, придумать они уже не могут.

Рассуждая об особенностях жизнедеятельности номенклатуры в Советском Союзе, М. Восленский выделяет три ее части: номенклатура кагебистская, не играющая собственной роли армейская, пропагандный аппарат и номенклатура внешнеполитической службы. Приоритет он отдает КГБ, призванному стабилизировать устойчивость всей системы. Но исследователь как бы опускает или исключает деятельность хозяйственных институтов, которым отводится сугубо вспомогательная роль. Итогом этого стало хроническое недопроизводство и пустые рассуждения о росте благосостояния граждан. Тогда почему хозяйственная деятельность считалась понижением статуса? Казалось бы, по логике вещей этого не должно было быть. И если с двумя первыми частями номенклатуры всё понятно, то вот с третьей частью есть некоторый вопрос. Ведь внешнеполитическая деятельность, получалось, ставилась выше, чем состояние дел внутри страны.

Ответ мы получаем в 7-й главе «Класс – претендент на господство». В отличие от мира капитализма, где собственность определяется капиталом, номенклатура ориентирована на власть. Поэтому она и стремится к политической экспансии повсюду в мире [Восленский, с. 474]. Внешняя экспансия должна компенсировать неэффективность от примитивной эксплуатации трудящихся. Тем более, что и само производство подчинено всё той же цели, – созданию оружия для обеспечения экспансии. Итог же явно указывает на эту цель, которую с легкостью можно обнаружить уже в наши дни, в эпоху реванша номенклатуры: «Номенклатура по самой своей сущности – класс экспансионистский, агрессивный. Агрессивность класса номенклатуры – не какое-то мистическое душевное качество, а прямой результат безудержного стремления этого класса ко все большей власти – главному его достоянию, а также к увеличению его собственности, естественному возрастанию которой кладет жесткие границы малая продуктивность экономики реального социализма» [Восленский, с. 479].

Номенклатура выросла из задачи создания нового служебного дворянства. Не случайно Николай Патрушев совершенно откровенно говорит об этом: «Не хочу говорить высокие слова, но наши лучшие сотрудники, честь и гордость ФСБ, работают не ради денег... Внешне они разные, но есть одно важное качество, объединяющее их, – это служивые люди, если хотите, современные "неодворяне"» [Солдатов, с. 13]. Начиная с Ивана IV Грозного, одного из откровенно токсичных правителей в истории России, шел интенсивный поиск тех, кто должен был непосредственно обеспечивать и поддерживать самодержавие, исполнявшего роль консолидирующего института для служебной иерархии. По-сути, это был центр собственности – власти, особой формы деспотии, где частная собственность могла существовать только в зачаточном или крайне слабом состоянии. Отсюда, думается, проистекает установка на возвращение к абсолютизму и заказ на создание совершенного государства – сверхдержавы. В Российском варианте это неумолкающие разговоры о Третьем Риме.

Вокруг этой изобретенной монахом Филофеем в 1523-1524 годах идеи сложилась собственная мифология. Сторонники богоизбранности России убеждены в том, что на протяжении всего последующего времени, жизнь страны определялась идеей Третьего Рима. Вольные интерпретации истории, как и намеренное искажение существующих представлений, постоянно создаваемый «новояз», являются основой для формируемого единомыслия. Поэтому тот же патриотизм рассматривается уже не как выражение собственной гражданской позиции, а как выказывание верноподданнических чувств. Действительно, а зачем мудрствования? Об этом пишет и сам Филофей, прибегая к заимствованию (присвоению) чужой идеи: «И тебе, моему государю, ведомо, что яз селской человекъ, учился буквам, а еллинских борзостей не текох, а риторских астроном не читах, ни с мудрыми философы в беседе не бывал; учюся книгам благодатнаго Закона, аще бы мощно моя грешная душа очистити от грех, о сем молю милостиваго Бога,

господа нашего Иисуса Христа и пречистую Богоматерь и всехъ святых, Богу угодивших, избавити мя вечнаго мучения» [Послания, с. 290].

Интересно, что мы невольно касаемся здесь одного из аспектов христианства, взятого на вооружение авторитарными правителями. Это его способность выступать в качестве политической доктрины, идеальной формы легитимации власти. Одним из вариантов конкретной адаптации религии к политическим целям и стала идея Вечного Рима применительно к Москве: «...иже въ всей поднебесной единаго Христианом царя и броздодръжателя святых Божиихъ престоль, святых вселенских апостольскихъ церкве, иже вместо римской и костянтинополской, иже есть в богоспасном граде Москве святого и славнаго Успения пречистыя Богородица, иже едина въ вселеннии паче солнца светится. Да веси, христороубче и боголюбче, яко вся христианская царства приидоша в конец и снисдошася во едино царство нашего государя, по пророческим книгам, то есть Ромейское царство: два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не бытии» [Послания, с. 298].

По мнению Дмитрия Мережковского, этим было обеспечено последующее утверждение российской версии теократии. В отличие от теократии западной, где римский первосвященник так и не стал римским кесарем, в русском самодержавии небесное было поглощено земным, а глава государства стал главой церкви [Мережковский, с. 133]. Итогом этих действий стал застой или статика, а не развитие или динамика. В дополнение к этому Россия получила еще и внутренний раскол: «Равновесие было нарушено; надстройка не соответствовала фундаменту – и все огромное здание дало трещину – раскол, сперва церковный потом и бытовой, культурный, общественный – распад России на старую и новую, <нижнюю и верхнюю,> [на знать и рабов,] простонародную и <так называемую> "интеллигентскую"» [Мережковский, с. 134-135].

Будучи религиозным философом и видным писателем-символистом Д.С. Мережковский придерживался представлений об антихристианской сущности русского самодержавия. Его идеал – это вселенская церковь, где

самодержавие превзойдено, а не продолжает существовать как цель в себе. Поэтому он и верит в наступление эпохи Третьего Завета, а не в вечное кружение вокруг идеи Третьего Рима.

Но, как было замечено, именно политический аспект играл в этой истории главную роль, а не мистические откровения и поиски универсальной духовности. По всей видимости, Филофей не шел далее идеи восстановления центра подлинной веры. Об этом пишет, в частности, Маршал По, подробно разбирающий особенности изобретения идеи Третьего Рима и ее последующего воплощения. Фактически, вплоть до 1860-х годов «осевой момент» российской истории не привлекал к себе внимания: «Затем эта теория привлекла внимание историков конца имперского периода, которые были убеждены, что она отображает имперскую идеологию Московии. Согласно их интерпретации, москвиты верили в то, что они сменили византийских "римлян" и стали повелителями всеобщей, универсальной империи. В течение последней четверти девятнадцатого века идею "Третьего Рима" стали отождествлять с идеей "русской миссии". Так, для панславистов это означало, что России предназначено восстановить Восточную Империю» [По, с. 62]. И как бы там не было, но идея продолжает быть востребованной уже в наши дни, хотя, как считает американский исследователь, речь идет о неверно истолковываемом эпизоде российской истории [По, с. 62].

Через эту идею получила свою внешнюю санкцию позиция оправдания миссии безграничного имперского завоевания. Мессианство здесь слилось с экспансионизмом, «легло» под него, став политической доктриной для установления тотального господства. Тем самым, используя идею Фрэнсиса Фукуямы, мегалотимия обрела свое институциональное завершение. При этом всегда находится определенное количество тех интеллектуалов, которые, будучи невысокого мнения о человеческом материале, отдают предпочтение тем, кто готов платить за их верноподданность и ум. Их также мало устраивают возможные изменения, которые принуждают к выходу за рамки уже существующих верований. В определенной мере можно

рассматривать интеллектуалов как людей страдающих от нарциссизма, причем, возможно, даже в большей степени, чем те, кто облечен властью. А это уже указание на предрасположенность к патологиям ума.

О чем эти рассуждения? А как еще понять тех, кто настойчиво проталкивает в жизнь заведомо антигуманистические идеи, воспевают тиранию, извращает факты и отрицает свободу. Для прикрытия ими используется идея ценности консерватизма, мало дающая и фактически бесплодная, так как направлена на охранительство автократической политической модели, а не на развитие общественных отношений. По-сути, перед нами род фундаменталистов и когда мы рассматриваем воззрения членов «Изборского клуба», то наталкиваемся на их нежелание выражать даже минимальные сомнения в утверждаемых доктринах или той сверхзадачи, которая «спущена» свыше. И круг представителей урпатриотического толка, жаждущих воплощения «Незримой Империи» и прихода «Великого Человека», отнюдь не мал. И если речь шла не о некоем арт-стёбе или культурной провокации, как в «Открытом письме Президенту Российской Федерации господину В.В. Путину», то эти погружения сознания во мрак борьбы за мифический Царьград должны были насторожить тех, кто продолжал верить, что Россия встала на путь демократических преобразований и утверждения приоритета общечеловеческих ценностей.

Читаем: «Огромные территориальные потери России в конце XX века в принципе сопоставимы с аналогичными потерями других держав, но есть ещё незримые границы, проходящие по кромке сознания, и нет для имперского самоощущения более важной задачи, чем оборона этих рубежей. Мы назовем эти запредельные рубежи прямо, без изворотов: Царьград, Босфор, Дарданеллы – и если угодно, возможность нанести Америке неприемлемый ущерб. Любой государь России, как бы он ни назывался – президент, генсек или собственно император, – должен держать эти цели сокрытыми, но обязан иметь их в виду. Непоправимой ошибкой может обернуться подмена этих истинных целей так называемым прагматизмом, обращающимся на наших

глазах одной из форм безумия. Сегодня, наконец, можно увидеть, к чему привела затянувшаяся рефлексия принца Гамлета: он проморгал свое первородство, и прекрасную Данию вот-вот унаследует заморский принц Мустафа» [Незримая империя]. Мейнстрим «Незримой Империи» родился не на пустом месте. За ним стояли философы, писатели, журналисты, идейные духовидцы, калики перехожие и городские сумасшедшие, – сообщество озабоченных строительством совершенного государственного строя нарративщиков.

Нарративщики с легкостью подключаются к вульгарному мистицизму, объявляют себя адептами высшего знания и на манер Анатолия Кашпировского или Алана Чумака принимаются лечить всех от рядового обывателя до президента страны. Так лидер петербургских фундаменталистов Александр Секацкий начинает с описания «Могов и их могущества», а будущий неоевразиец и традиционалист Александр Дугин с оглашения в 1995 году манифеста «Новых магов». Вот где «снос сознания» нашел своих зараженных мистикой адептов. Здесь даже дадаисты стоят в сторонке и нервно курят: «НОВЫЕ МАГИ учреждают свое искусство и осуществляют социальные перевороты. Они специализируются в геополитике, масштабной науке, подчиняют стихии, укрощают атлантического Левиафана и откармливают континентального Бегемота. Минимальный социальный масштаб НОВОЙ МАГИИ – страна, народ, государство, легионы человеческих масс. Группа эстетов или отряд марширующих дегенератов-сектантов никому не интересны. НОВАЯ МАГИЯ имеет дело с явлением ГИГАНТСКОГО. Гигантского Нового» [Манифест].

И если это был бы очередной дикий перформанс измученных нарзаном творческих людей, то можно было вернуться к обсуждению идеи освобождения искусства и жизни от прогоркших условностей. Вот только новоявленные гуру не признаваясь в собственном безумии решили звать реальных политиков к осуществлению великой миссии по освобождению Гроба Господня и захвату Босфора с Дарданеллами. И здесь можно увидеть

фантастическое смешение событий, стран, дискурсов и акторов для тех, кто возомнил себя фундаменталистами. Безыдейным чиновникам от политики, окруженным силовиками-дуболобами и серыми канцелярскими крысами, в условиях борьбы за самосохранение такие безумцы были нужны. Их, скорее всего, и воспринимали как святых безумцев, как, скажем, писателя-буревестника Александра Проханова. Ему, как некогда внимали цари юродивым, даровано право критиковать власть и он не бездарен. Впрочем, думается, это типичный охотнорядец, поймавший хайп (в представлении о навязчивой идее) на сопричастности деспотизму, объявленному им высшим проявлением мистического предназначения правителя и страны.

Одной из его идей выступает новоявленный миф о пяти Сталиных и пяти Империях: «Первая Киевско-Новгородская русская империя озарена именем Владимира Святого. Вторая империя – Московское царство – была создана радениями великого царя Ивана Васильевича Грозного. Третья, романовская империя – это империя Петра Великого. Четвертая красная империя – империя великого Сталина. Сегодняшняя, Пятая Империя, незавершенная, зыбкая, неуклонно возводимая, связана с именем Путина. Путинское государство движется среди молний и громов по горящему океану» [Проханов]. Путину приписывается предназначение стать «замковым камнем» для возрожденной мировой державы. Проханов также призывает к созданию партии «свидетелей» пятой Империи и, судя по всему, в этом качестве как раз и выступает Изборский клуб.

Именно члены клуба В.В. Аверьянов с сотоварищами делают обширный доклад, где вводят понятие «Пятая империя Халкидонского типа»: «...империя Халкидонского типа – это государство, хранящее право религий и этнокультурных (национальных) традиций на нераздельное и неслиянное общежительство друг с другом. В этом смысле каждый народ несет посильную имперообразующую миссию» [Аверьянов, с. 47]. Россия здесь объявлена страной-наследницей миродержавия, что указывает скорее на некую традицию самозванства и сомнительные онтологические аргументы,

чем на определенное социальное, культурное, экономическое и политическое саморазвитие. Всё, что обеспечивает её участие в мировых делах, как указывает Ричард Пайпс, связано лишь с уникальным геополитическим положением страны [Пайпс, с. 296]. Поэтому и сложно говорить с теми, кто обуюн нарциссизмом, отказываясь быть скромнее в оценках потенциала своего могущества и развития. Создаваемый в их головах правопорядок возводится в некую догматическую норму и существует априори. И вот уже на полном серьезе они пишут: «Пятая империя задаёт завышенный формат культурного творчества, противопоставляя его духу современной массовой культуры. Должен быть создан и убедительно растиражирован во всём мире новый Большой Стиль Империи, новая эстетика и мода, в которых высокая классика воплотится в народной форме. Помимо магистральных проектов новой эпохи (новые технологии, освоение космоса и др.), перед сверхиндустриальным обществом может вставать проблема занятости и досуга миллиардов, не вовлечённых напрямую в эти проекты» [Аверьянов, с. 48]. Вот где всё происходит по А.С. Пушкину:

«Ах, вижу я: кому судьбою
Волненья жизни суждены,
Тот стой один перед грозою,
Не призывай к себе жены.
В одну телегу впрячь не можно
Коня и трепетную лань.
Забылся я неосторожно:

Теперь плачу безумствам дань...» [Пушкин, с. 280].

Если поискать в Интернете, то можно обнаружить, что идея пятой империи не новая и, более того, отдающая глубоким провинциализмом. Её корни лежат в идеях иезуита Антониу Виейра (XVII в.) и мифе, созданном в XII веке Иоахимом Флорским о наступлении эпохи Святого Духа, а также в мистических ожиданиях наступления «золотого века». Связывалось это событие с появлением в Португалии короля-мессии: «Виейра был убеждён, что Португалии суждено стать всемирной христианской империей, наследницей Вавилонской, Персидской, Греческой и Римской империй.

Португальцев же он рассматривал как богоизбранный народ и хранителя "истинной веры"» [Возвращение]. Позднее, уже в XX столетии идея была реанимирована португальским поэтом и мыслителем Фердинанду Песоа, облекшем в стихотворную форму чаяния рождения империи Духа:

«Средь дум твоих холодной вышины
Пылает, лунным светом осиян,
Бессмертная звезда твоей страны
Великий государь дон Себаштьян.

Но нет, не лунный свет, зари преддверие –
Дневной эфир его оберегает.
Рассветом робким Пятая Империя
Просторы Тежу тихо озаряет» [Пессоа].

Характерно, что в России также были поклонники идеи наступления эпохи Третьего Завета. Наиболее известная фигура – писатель Дмитрий Мережковский, вынашивавший идею создания Церкви Третьего Завета. Впрочем, он ориентировался не на утверждение новоявленной империи, очередной версии Града земного, а на духовную эволюцию и установление Царства Божия на земле. Не был писатель и сторонником абсолютизма, считал самодержавие отжившим. Те же, кто сегодня воспевают деспотизм, явно не хотят понимать того, что возврат в прошлое равносителен возвращению к уже принесшим отрицательные результаты представлениям. Повторение всегда равно сдерживанию, а не развитию, чтобы не пытались утверждать консерваторы. Они неспособны что-либо генерировать новое, предлагают то, от чего всё должно в итоге умереть, так как из создаваемого ими подобия прошлого исчезает последняя экзистенция. Поэтому и император у них тиран, а не духовный лидер или рутинный руководитель.

Список литературы

1. Аверьянов В.В. Всплывающая Империя // Изборский клуб. 2015. № 2 (26). С. 18-48.
2. Возвращение португальского короля-мессии Себастьяна // With Portugal / URL.: <https://withportugal.com/blog/sebastiao> (Дата обращения: 02.05.22).

3. Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. London: OPI, 1990. 671 с.
4. Колтон Т. Ельцин / пер. с англ. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2013. 752 с.
5. Манифест Курехина-Дугина, или Манифест «Новых Магов» // Livejournal / URL.: <https://telo-shumelo.livejournal.com/10556.html> (Дата обращения: 03.05.22).
6. Мережковский Д., Гиппиус З., Философов Д. Царь и революция. Сб. М.: ОГИ, 1999. 224 с.
7. Мороз О.П. Главная ошибка Ельцина // Booksee.org / URL.: [https://dl.booksee.org/mygenesis/44/f612fdfff5fbd600ae22b3311c0026c4/_as/\[Moroz_Oleg_Pavlovich\]_Glavnaya_oshibka_Elcina\(BookSee.org\).fb2](https://dl.booksee.org/mygenesis/44/f612fdfff5fbd600ae22b3311c0026c4/_as/[Moroz_Oleg_Pavlovich]_Glavnaya_oshibka_Elcina(BookSee.org).fb2) (Дата обращения: 28.04.22).
8. Незримая империя. Большой архив петербургского фундаментализма. Тексты Секацкого, Крусанова, письма Путину про аннексию проливов // Культпросвет / URL.: http://www.kultpro.ru/item_33/ (Дата обращения: 01.05.22).
9. Открытое письмо Владимира Путина к российским избирателям // В Контакте / URL.: <https://vk.com/@informpodderjkaputina-otkrytoe-pismo-vladimira-putina-k-rossiiskim-izbiratelyam> (Дата обращения: 29.04.22).
10. Пайпс Р. Две перспективы России // Пайпс Р., Тойнби А., Фукуяма Ф. Россия – тысяча лет одиночества: Сборник. М.: Родина, 2020. С. 294-303.
11. Пессоа. Тексты // Yanko.Lib / URL.: <http://yanko.lib.ru/books/lit/p-sl.htm> (Дата обращения: 04.05.22).
12. По М. Изобретение концепции «Москва – Третий Рим» // Ab Imperio. 2000. № 2. С. 61-86.
13. Послания старца Филофея // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2006. Том 9. С. 290-305.
14. Проханов А. Алюминиевое лицо. Замковый камень // Coolib.com / URL.: <https://coollib.com/b/341345> (Дата обращения: 02.05.22).
15. Пушкин А.С. Полтава // Полное собрание сочинений в 10 томах. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. Т. IV. С. 249-308.
16. Собчак А. Дюжина ножей в спину // Bookscafe / URL.: https://bookscafe.net/download/sobchak_anatoliy_dyuzhina_nozhey_v_spinu-61569.fb2.zip (Дата обращения: 28.04.22).
17. Солдатов А., Бороган И. Новое дворянство: Очерки истории ФСБ / пер. с англ. М.: ООО «Юнайтед Пресс», 2011. 298 с.
18. Яковлев А.И. Реализм – земля перестройки: Избранные выступления и статьи. М.: Политиздат, 1990. 544 с.

Завеса данности

Вы утверждаете, что добро и зло – выдумки самого человека?

Но если природа диктует человеку столь навязчивые принципы, как спасется он от самого себя? и как избавится от этой коварной способности выдумывать, если угодно – лгать, – способности, не покидающей его, помимо его и вашей воли, от сотворения мира?
Астольф де Кюстин «Россия в 1839 г.»

Мы подошли к некоему этапу подведения итогов наших рассуждений на заданную тему. Это условность, которую можно было бы заменить многоточием, предложив возможным читателям включиться в процесс совместной рефлексии. Увы, не стоит переоценивать возможности людей мыслить самостоятельно. Они замкнуты на себя. Установка «я сам» ушла от них вместе с детством, как и желание познания мира. Ученые, как и философы или писатели-моралисты, в расчет могут не приниматься. Их апелляция к разуму явно избыточна и трагична. Справиться с властью тьмы, уповая на Просвещение людей, оказалось неизменно сложнее борьбы против тьмы власти. Среди прочих причин находилось то, что обозначил еще Иммануил Кант, рассуждая о том, как он понимает просвещение. Нежелание людей взрослеть, начинать пользоваться собственным умом, немецкий мыслитель обозначил в качестве определяющего состояния для значительного большинства людей [Кант, с. 29].

В этом своем состоянии люди виноваты сами, но отчасти. Так как за процессом одомашнивания следят опекуны, наставляя в должном, насаждая предрассудки и препятствуя совершенствованию духа. Преодолеть это, по Канту, можно только осуществив истинную реформу образа мыслей, когда люди начнут публично и свободно пользоваться собственным разумом. Оперировав старым образом мыслей и создавая новые предрассудки этого достигнуть нельзя [Кант, с. 31]. Этот вывод, полагаем, ключевой, но он и самый сложный в исполнении. Так, нам ничего неизвестно по поводу того, смог ли увидевший подлинный мир человек вывести за собою остальных людей из пещеры Платона. Но тот же древнегреческий мыслитель придумал миф для закрепощения сознания людей в своем идеальном полисе. Разумеется, сделано это было для общего блага. Вот только ценностью здесь

был не человек, а идеальное устройство полиса тоталитарного типа. Миф оказывается тем, чем характеризует его Джозеф Кэмпбелл, чьими идеями воспользовался создатель «Звездных войн» Джордж Лукас, – коллективным сновидением [Кэмпбелл, с. 63].

Кант рассчитывал на силу законодательного разума, но он не видел того, что выход из состояния несовершеннолетия может и не совпадать с целью правителя и его окружения. Ведь те преимущества, которые обеспечивала свобода, накладывали обязанности по собственному развитию тех, кто желали банального обеспечения самовластия. В этой связи обратим внимание на другого сторонника законодательного разума – Шарля Монтескье. Мыслитель выделял три формы правления, которые связывал с природой государств и этическими принципами, где для республиканской формы важна была добродетель, для монархической – честь, а для деспотической – страх. Сохранение этих принципов важны для предотвращения разложения и, соответственно, отражают суть жизнедеятельности политических тел.

В этом аспекте более важными оказываются рассуждения не о силе законов, а о том, в каких условиях они были сформированы. Поэтому Монтескье и сомневается в возможности смены формы правления, рассуждая, в частности, о Московии: «Посмотрите, с каким усердием старается московское правительство освободиться от деспотизма, который тяготит его даже более, чем его пароды. Были уничтожены целые большие отряды войска, смягчены наказания за преступления, учреждены суды, начали знакомиться с законами и просвещать парод. Но есть особые причины, которые, может быть, снова ввергнут его в то бедствие, которого оно старалось избежать» [Монтескье, с. 60]. То, что создано благодаря страху, живет им. Поэтому, «не ищите великодушия в деспотических государствах; государь не может передать там своим подданным величия, которого нет у пего самого; слава не живет в его владениях» [Монтескье, с. 58].

Здесь мы обнаруживаем некое противоречие, хотя, думается, Монтескье пытался воздерживаться от крайних оценок. Поэтому и его отношение к деспотии выглядит как некая констатация того, что существует по факту. Правда он оговаривает некие умеренные формы правления, которые связывает с носителями верховной власти или ее организацией. В случае с деспотией его больше заботит отсутствие механизмов обратной связи, которые могли бы способствовать нужным реформам. То, что эти самые реформы находятся в противоречии с основами самовластия, он не обнаруживает. Так или иначе, но на этот аспект в реализации заимствованных идей обратил внимание другой француз, – маркиз де Кюстин, записавший: «У русских есть названия для всех вещей, но нет самих вещей; они богаты только на словах: прочтите объявления, и вы увидите, что в России имеются цивилизация, общество, литература, театр, изящные искусства, наука, но нет ни единого врача: юному обществу глубокие познания неведомы» [Кюстин, с. 141]. Стоит помнить, что ехал он в Россию как сторонник монархизма с целью обнаружить доводы против представительного правления. Возвращался же маркиз с убеждением в правильности конституционного устройства [Кюстин, с. 17].

В тютчевской формуле о том, что не стоит пытаться понять страну, а следует в нее только верить, скрыта констатация того, что здесь всё не то, чем оно кажется. Кажимость в России заменяет подлинное, где говорят не то, что думают, если думают, а то, что предписано свыше. Фасадность или видимость никуда не исчезли, так что если бы де Кюстину довелось побывать в современной нам России, он обнаружил всё те же пороки и подмену представлений.

Даже природа политических институтов здесь другая, не европейская. Они организованы здесь не по принципу разделения ветвей власти, а предписанной сверху единой вертикали. И то же право, рожденное в древности табу-запретами, не эволюционирует в систему учитывающих человеческое достоинство правил и норм. Здесь это система издаваемых

властью законов и предписаний, призванных обеспечивать максимальное принуждение и купировать любые проявления свободы. И всё это делается под привычно заимствованной формулой «правовое государство». Оппозиция здесь до сих пор рассматривается в духе борьбы с еретиками. А не имеющие собственного опыта создания демократического общества, власть предержащие придумали понятие «суверенная демократия», которое имело не больше смысла, чем идеи «чучхе».

Теперь необходимо понять, насколько эти особенности организации политической власти прописаны в ментальной природе сознания россиян, выступая в качестве «духовных скреп»? Нам известно, что миф данности довлеет над нашим сознанием, но вечно ли его покрывало, и может ли оно быть однажды порвано. Соответственно, мы должны понять, какова прочность этого покрывала? И для начала стоит оставить в стороне традиционные споры славянофилов и западников, где каждая из сторон апеллирует либо к защите традиционных ценностей, либо к необходимости развития. Как заметил Герберт Спенсер, не следует сводить проблему к противостоянию тех, кто держится за всё старое и тех, кто поклоняется прогрессу: «Нет разве людей, всегда готовых преклоняться перед существующей властью, какого бы рода она ни была; между тем как другие от всякой власти требуют объяснения причины ее существования и отвергают эту власть, если ей нельзя оправдать свое существование? И не должны ли умы, противопоставленные таким образом, стремиться к тому, чтобы стать конформистами или нонконформистами не только относительно религии и политики, но и относительно других вещей? Повиновение – правительству ли, церковным ли догматам, кодексу ли приличий, утвержденных обществом, – по сущности своей одинаково; то же чувство, которое внушает сопротивление деспотизму правителей, гражданских или духовных, внушает и сопротивление деспотизму общественного мнения» [Спенсер, с. 932-933].

Собственно говоря, это задача той же доместикации, призванной формировать послушных животных. Главное, чтобы в этом процессе всегда

соблюдалось строго проводимое различие на тех, кто пастухи и, соответственно, тех, кого они пасут. К пастухам, следуя рассуждениям Платона, как к стражам, должны предъявляться собственные правила. Они находятся в услужении, где все отношения определяются всё теми же принципами господства и подчинения. Но их статус, что говорится, выше и они наделены правом на насилие и получение наград. И это, так сказать, общее состояние исторически сложившейся политической системы, где социальные роли жестко закреплены.

Вместе с тем имеется и внутренняя сцепка, то, что стали обозначать как «духовные скрепы». Без них нет направляющей силы для придания смысла покорности подданных и формируются они, по всей видимости, нарративами создаваемой властью предержащими реальности. В этом плане интерес для нас представляют рассуждения Райнхарта Козеллека о том, что именно наделенные властью акторы структурируют систему отношений между «хозяином» и «рабом» или иные подобные понятия. Используя лингвистические приемы, они создают групповую идентичность, где вся процедура вращается вокруг термина «мы». Даже будучи двусмысленными используемые в этом случае понятия оказываются поглощенными на уровне государства, соответственно, превращаясь в понятия общего характера [Koselleck, p. 85]. Этот процесс происходит и с историей, когда всё многообразие исторического опыта начинает трактоваться в строго ограниченном смысле, чтобы обеспечить совпадение означающего и означаемого.

Пользуясь этим комплексом идей, в частности, Дина Хапаева обращается к рассмотрению проблемы того, как вымысел формирует в России новую социальную действительность: «Для меня важен тезис Райнхарта Козеллека, что исторические и политические понятия могут обладать принудительной силой и властно формировать коллективные представления об обществе и истории. Значения, исторически отложившиеся в понятиях, в немалой мере определяют то, как эти понятия функционируют в

настоящем. Примером принудительной силы понятий в этой статье послужит идея империи» [Хапаева, с. 210]. Ее размышления строятся на феномене неомедиевализма, скатывания к системе ценностей образно понимаемого Средневековья, где вместо представлений о человеке как высшей ценности утверждаются идеи монархии и наследственного неравенства. Понятно, что ничего подобного в советскую эпоху мы не могли наблюдать, если не считать культа государства и низкой ценности жизни масс. Тогда идея будущего строилась из ожидания новых времен, а не из образов изжившего себя прошлого. Но, заметим, именно отношение к людям как расходному материалу было, по всей видимости, определяющим.

Исследователь предпочитает говорить не о восстановлении некоего имперского миропорядка под эгидой России, а о том, что в самой стране формируются условия для установления режима личной несвободы или «новорусского рабства». Но одно без другого, что говорится, не существует, достраивая и формируя основы создаваемого бытия. Не случайно в качестве ключевого текста здесь выступает книга Михаила Юрьева «Третья империя: Россия, которая должна быть». Написан сей фантастический опус в виде учебника по российской истории от древности до 2054 года и опубликован в 2006 году. А читать его без содрогания невозможно, он переполнен идеями в духе «Крови и почвы» и «Нового порядка». Сам же автор спит и видит установление царства опричников в стране Третьей Империи, где даже император избирается из их среды [Юрьев, с. 14].

В данном случае мы мало, что обнаружим нового в попытке описания того, как страна стала сверхдержавой. Подобного рода измышления переполняют литературно-публицистическое пространство, направляя сознание российских политиков и обывателей в единое поле «самосовершающихся пророчеств». Противоборство с западным миром подается в традиции противостояния Бога и Антихриста, где Западу отводится роль мира порока и искушений. На этом воображение заканчивается, а далее мы получаем всё ту же установку на ценности

национализма и мегалотимию, признание собственной исключительности. Наряду с этим обнаруживается как часть воображаемого сообщества и историческая фатальность, которая предписывает поступки. Отчасти об этом говорит Бенедикт Андерсон, отдавая предпочтение оценке воздействия словесно-звуковых действий [Андерсон, с. 241]. И в этом есть свое резон, так как именно языковая картина мира обеспечивает существование искусственных миров, в том числе и националистических.

Здесь есть над чем подумать. Чтобы оценить механизм воздействия на сознание людей, их способность к самостоятельному мышлению, надо перестать держаться за эксгумируемую по тому или иному поводу историю. История выступает в роли пут, всякий раз она будет использована для данного случая, чтобы легитимировать акт принуждения к подчинению. Сколько бы мы не повторяли изречение о том, что нельзя вступить в одну реку дважды, находятся те, кто из этой реки никогда не выходят. Всё на что они обречены – это забвение и слепое следование придуманным кем-то нарративам. Размышляя об особенностях существования воображаемого национализма, Андерсон пишет, что именно смерть структурирует нацию, которая служит сугубо повествовательным целям [Андерсон, с. 329].. То есть ни о какой особой духовности речи здесь не идет.

В случае с Россией этот аспект оказывается определяющим. Здесь даже самоназвание «русские» является прилагательным, а не существительным, когда мы говорим о народах. Это цивилизация подданных, где слуги и рабы обеспечивают существование деспотического правителя, а любые разговоры о гуманизме, либерализме или открытом обществе воспринимаются в качестве прямой угрозы совершенному политическому строю. Рабы здесь мечтают не о свободе, а обладании собственными рабами. Этот момент, в частности, и выделяет Д. Хапаева, говоря о том, что речь идет не об отдельных фантазиях новоявленным имперцев – «князей духа», а устойчивом тренде: «Общество принимает неомедиевалистский дискурс, в котором идея сословного неравенства и холопства выступает в качестве главной темы. В

этих терминах осмысливают российскую современность как сторонники, так и противники существующего режима» Хапаева, с. 231].

Возврат в «тёмные века» связан с формированием общих представлений тотализирующего характера, воздействующих через эмоциональную сферу. Вернуться в прошлое означает обретение узнаваемого и закрытого пространства, где как в пещере человек скрыт от внешних невзгод. Потребность в рефлексии здесь минимальная, а зависимость от воображаемых нарративов максимальная. Как отмечает Эрнст Кассирер: «Вместо того чтобы обратиться к самим вещам, человек постоянно обращен на самого себя. Он настолько погружен в лингвистические формы, художественные образы, мифические символы или религиозные ритуалы, что не может ничего видеть и знать без вмешательства этого искусственного посредника. Так обстоит дело не только в теоретической, но и в практической сфере. Даже здесь человек не может жить в мире строгих фактов или сообразно со своими непосредственными желаниями и потребностями. Он живет, скорее, среди воображаемых эмоций в надеждах и страхах, среди иллюзий и их утрат, среди собственных фантазий и грез» [Кассирер, с. 471].

Понятно, что те, кто наделил себя правом на создание мифов, стремятся к тому, чтобы сохранять силу их принудительности, внедряя в сознание масс нужные догматические скрепы. Соответственно, появляются и те, кто, как и религиозные фундаменталисты, стремятся осудить свободное мышление и иные проявления свободы. Об этом, в частности, упоминал Элвин Тоффлер, говоря об «агентах новых Тёмных веков» [Тоффлер, с. 456]. Притом, что все рассуждения об испорченности современной цивилизации находят постоянную поддержку среди тех, кто не желает изменяться. А таких, как писал известный футуролог в своем «Футурошоке», подавляющее большинство. Они не отказываются от благ научно-технического развития на бытовом уровне, но боятся самого развития, его направленности во вне и внутрь. Их желание неизменности и статичности находятся за пределами

здорового смысла и они не хотят на манер Чеширского кота из «Алисы в стране чудес», бежать быстрее, чтобы остаться на месте.

Боязнь нового дополняется неприязнью к другому, который, по сути, несет с собою всё те же изменения, но он может быть идентифицирован. Потребности сохранения внутренней идентичности в ее политическом аспекте, как и внутривидовое противостояние, создают условия для формирования образа врага. Признание изотимии выводит на качественно иной уровень сосуществования и явно не подходит для традиции борьбы за свою исключительность. Более того, почти сразу же говорят о вредности изотимии, исключаящей личности и выдающихся людей. Но это, так сказать, образ мышления людей сторонников мегалотимии, забывающих о том, что тоже рабство есть продукт идеи превосходства. Крайней формой реализации их представлений оказывается деспотически оформленная империя, а свое противостояние с миром либерально-демократических идей, они оформляют как возрождение культа насилия и возвышения расы господ.

При этом многие представления меняют свой смысл, извращаются и дискредитируются, как, скажем, делает это традиционалист Юлиус Эвола, когда пишет, «что ни одна идея не является столь же абсурдной, как идея прогресса, которая, совместно с ее неизбежным выводом о превосходстве современной цивилизации, создала "достоверные" самооправдания путем фальсификации истории, постепенного насаждения вредоносных мифов в умах людей и провозглашения себя повелительницей на перекрестках плебейской идеологии, из которой она и произошла» [Эвола, с. 9]. Эвола судя по всему принадлежит к тем, кого другой неотрадиционалист Александр Дугин относит к археократии, носителям концептуального представления или метафизических основ жизнедеятельности. Свою значимость они, разумеется, преувеличивают, более того, они сталкиваются с противодействием со стороны тех, чье право на господство должны идейно обеспечивать. В условиях, когда свободные умы отрицаются по определению, им надлежит не умствовать, а творить заклинания.

После распада Советского Союза, который стали трактовать как геополитическую катастрофу XX столетия, был утрачен идейный вектор, направленный на движение в светлое будущее. То, что было полностью растрачено идейный потенциал, а профанное поглотило сакральные устои, постарались забыть. Началось активное движение в прошлое, а на политическом уровне появился заказ на внедрение в сознание масс эскапизма. Начиная от поисков национальной идеи до конструирования альтернативной реальности, целенаправленно шел процесс воссоздания мифического государства и ископаемой идентичности. Этот мир, правда, до конца не придуман, если этот процесс вообще может быть завершен, но пути уже намечены: боевая фантастика, сказочное фэнтези, альтернативная история и мир попаданцев. Твердая научная фантастика напрочь забыта. Зато раскручивается культ могущественного государства, мистическим образом воплотившего в жизнь все свои прежде нереализованные исторические возможности.

В контексте утверждения ценности автократической власти всё большее значение приобретает ритуал, лишь отдаленно схожий с китайским имперским, но имеющий принципиальное значение. Вот цитата из «Американской дырки» Павла Крусанова: «По мере воцарения новой России царство Земли обретет порядок. Современное искусство и современная политика идиотов будут заменены новой магией, которая учредит свое искусство и свою политику. Искусство перестанет быть имитацией ритуала, но станет самим ритуалом, а политика превратится в прямое мифотворчество, занявшись сакральной архитектурой народов» [Крусанов]. То есть, провозглашается синтез магии и ритуала в качестве основ устанавливаемого политико-социального порядка. Хотя вот как раз с новой мифологией почти ничего нет, кроме культа великого правителя и столь же великих мертвых предков героев. Никаких метафизических конструкций мы также не обнаружим. И здесь можно снова повторить тезис о некоей параллели с тем, что некогда происходило в Древнем Китае.

Этот аспект, связанный с легитимацией абсолютной власти в Китае, исследуется Леонидом Васильевым. Он указывает на процесс упадка мифологического мышления, который можно было наблюдать в Шанском Китае. Это было связано с процессом выработки «бюрократической логики» (терминология Дэвида Китли) формируемой политической культуры, когда произошло замещение мифологического мышления строгим ритуалом [Васильев, с. 19]. Впрочем, любое сравнение условно, но важным моментом здесь выступает тренд на почитание императора и дальнейший генезис бюрократической системы, создание «бюрократической логики». Мандат Неба и следование дэ мы никогда не найдем в российской истории, где всё связано со слабо прописанным высшим предназначением и пониманием того, что нет власти не от Бога. Обладание властью выступает и там и здесь основным и достаточным аргументом в пользу оправдания правления. Поэтому конфуцианство в Китае в итоге оказалось откорректировано легистскими установками, а в России приобрели значение представления макиавеллевского толка. Хотя, если мы посмотрим на ключевую идею по воссозданию Московской империи, – «восстановление вертикали власти», то китайская традиция выглядит более привлекательной.

Теперь попробуем предположить, что на наших глазах происходит создание некоего симбионта, соединяющего все рассмотренные нами начала, призванные обеспечить торжество и существование деспотии XXI века. Это очередной опыт по реставрации абсолютизма, химеры самодержавия, которые являются детищем деспотической бюрократии. В духе рассуждений К. Виттфогеля о том, что СССР с известными изменениями фактически стала азиатской реставрацией России, можно говорить о том же и сегодня: «Таким образом, хотя элита Советской России сохранила ключевую особенность агродеспотического общества, монопольное положение своей правящей бюрократии, она совершила гораздо большее, чем сохранение этого общества. <...> Аграрный деспотизм старого общества, которое в лучшем случае было полууправленческим, сочетал тотальную политическую власть с

ограниченным социальным и интеллектуальным контролем. Промышленный деспотизм всецело развитого и тотально управленческого аппаратного общества сочетает тотальную политическую власть с тотальным социальным и интеллектуальным контролем» [Виттфогель].

Слабость химер – это срок их жизни, как и создаваемых ими антисистем. Одним из важных моментов при рассмотрении таких антисистем содержится в определении, данном Львом Гумилевы, где он говорит о появлении системной целостности людей с негативным мироощущением. Да, возможны возражения, так как ученый говорил о противостоянии с этнической традицией и некой устремленностью в будущее. Вот только с тем же русским народом, его вечной недоопределенностью, купиремой властями внутренней идентичностью, явно прослеживается целенаправленная политика. Этническая общность здесь заменена на имперскую, где верноподданность и социально-политическая инфантильность возведены на уровень национальной идеи и гордости. Как отмечает Сергей Сергеев, русские лишь в период с 1905 по 1917 годы выступали политической нацией, а на протяжении всей своей истории они оставались «государевыми людьми» или служилым народом. Цитируются точно описывающие ситуацию слова Мераба Мамардашвили: «Россия существует не для русских, а посредством русских...» [Сергеев, с. 7]. У самого философа есть понимание того, что русские продолжают пребывать в эмбриональном состоянии: «В своих отношениях с государством советский "гражданин" подобен эмбриону. И он хочет, чтобы его, как зародыш, обволакивала матка. А мать может быть и злой. Но человек – раб в детском понимании этого слова, так как он постоянно ищет оправдания. Он говорит: "Нет, нет, я не виноват". С этими идиотскими причитаниями зародыша большевики умирали в тюрьмах КГБ» [Мамардашвили, с. 346].

Еще одна характеристика взята С. Сергеевым у сторонника опричнины А.И. Фурсова, с поправкой на отрицательную или диаметрально противоположную смысловую нагрузку: «Власть великих московских князей,

а затем и царей, в силу ряда исторических причин сделалась <...> "автосубъектной и надзаконной". Независимые общественные слои на Руси либо не сложились, либо пришли в упадок. Московские бояре по отношению к своим государям не обрели статуса вассалов, а были лишь не имеющими никаких гарантированных прав подданными. Следовательно, русскому народу в плане привилегий нечего было унаследовать у своей аристократии» [Сергеев, с. 7].

Так что с имеющимися ментальными конструкциями, как и с пресловутым «глубинным народом», дело обстоит довольно печально. Это позволяет власть предержащим использовать инерцию прошлого для поддержания своего существования. Поэтому и рассчитывать на появление «окна возможностей» для трансформации системы деспотии нельзя, не создав условия для физического уничтожения этой данности. Вместе с тем, стоит помнить, что государство у Томаса Гоббса это чудовищный Левиафан, но это и «смертный Бог». Сказанное относится и к правителям, возмнившим себя всемогущими деспотами. Политический и экономический развал империи может быть лишь на время отсрочен наличием центра силы – императора, обслуживающих институтов и карательных структур, но без изменений в общественных отношениях уже не обойтись. Отсутствие возможностей по улучшению своей жизни в условиях строгих правил подчинения и регламентации деятельности ведет к общему упадку в торговле, производстве, науке, коммуникациях. Установка на постоянную мобилизацию в интересах обеспечения сохранности и поддержания могущества государства способна родить не только патриотизм, но и уныние.

Происходит то, что и должно быть в результате упадка, когда имперский нарратив вырождается в диванный патриотизм. В условиях отсутствия институтов гражданственности, подобного рода подданнические отношения создают иллюзию поддержки условного большинства. Двуличие власть предержащих получает свое отражение в двуличии подданных, которых вполне устраивают имитации намерений, а не реально достигнутые

результаты. И если бы ситуацию удалось сохранить, то никто бы никогда не узнал, что тигр пускай и рычащий, но бумажный.

Список литературы

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.
2. Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайской мысли (формирование основ мировоззрения и менталитета). М.: «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1989. 309 с.
3. Виттфогель К.А. Деспотизм Востока. Сравнительное исследование тотальной власти // Самиздат / URL: http://samlib.ru/s/strahow_a_a/wittfogel-oriental-despotism.shtml#translator (Дата обращения: 22.04.22).
4. Кант И. Сочинения. В 8-ми т. М.: Чоро, 1994. Т. 8. 718 с.
5. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М.: Гардарики, 1998. 784 с.
6. Крусанов П. Американская дырка // URL.: <https://www.twirpx.org/file/908131/> (Дата обращения: 11.04.22).
7. Кэмпбелл Дж. Сила мифа. СПб.: Питер, 2018. 304 с.
8. Кюстин А., де. Россия в 1839 г. СПб.: Крига, 2008. 704 с.
9. Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М.: Издательская группа «Прогресс» «Культура», 1992. 415 с.
10. Монтескье Ш.Л. О духе законов. М.: Мысль, 1999. 672 с.
11. Сергеев С. Русская нация, или рассказ об ее отсутствии. М: Центрполиграф, 2017. 491 с.
12. Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские / пер.с англ. Мн.: Современный литератор, 1999. 1408 с.
13. Тоффлер Э. Метаморфозы власти / пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. 669 с.
14. Хапаева Д. Рабские мечты об имперском величии // Новое литературное обозрение. 2017. № 144. С. 207-236.
15. Эвола Ю. Восстание против современного мира. М.: Тотенбург, 2016. 476 с.
16. Юрьев М. Третья Империя. Россия, которая должна быть. СПб.: Лимбус Пресс, ООО «Издательство К. Тублина», 2019. 656 с.
17. Koselleck R. Futures Past: On the Semantics of Historical Time. Columbia University Press, 2004. 336 p.

Д.А. Крылов
доктор философских наук,
профессор кафедры международного права и международных связей,
Забайкальский государственный университет, Чита
E-mail: dmdak@yandex.ru

D.A. Krylov
Doctor of philosophical Sciences,
Professor of the Department of International Law and International Relations,
TRANS-Baikal state University, Chita
E-mail: dmdak@yandex.ru

МЕТАВСЕЛЕННАЯ ДЛЯ ТИРАНА¹

Аннотация: В статье автор предпринимает попытку разобраться в том, каким образом происходит сращивание авторитаризма с современными информационными технологиями. Перехват передовых технологий и их адаптация к архаическим формам властвования может быть рассмотрена на предмет расширения сферы влияния, обретения надвременного и сверхтерриториального статуса. Этот аспект можно экстраполировать до понимания того, как может быть реализована цель самодержавного правителя по обретению им бессмертия за пределами биологического существования. Прибегнув к услугам так называемых техномагов, специалистов в области создания параллельных миров и переноса сознания человека на электронные носители, тираны получают реальный шанс неограниченно продлевать время обладания властью. Появление Метавселенной под эгидой тиранического режима не приведет к формированию свободных миров с несвязанными умами. Такая Метавселенная станет просто новой формой для реализации идеи космократии.

Ключевые слова: Метавселенная, медийные диктаторы, аватар кибертирана, оцифрованное самодержавие, бессмертие, техномаги, космократия.

A METAVERSE FOR A TYRANT

¹ Первая публикация: Science in the modern information society XXVIII. Материалы XXVIII международной научно-практической конференции Наука в современном информационном обществе 27-28 февраля 2022 г. North Charleston, USA. С. 90 – 97. ISBN: 9781458368201.

Annotation: In the article, the author attempts to understand how authoritarianism merges with modern information technologies. The interception of advanced technologies and their adaptation to archaic forms of power can be considered for the expansion of the sphere of influence, the acquisition of a supra-temporal and over-territorial status. This aspect can be extrapolated to an understanding of how the goal of an autocratic ruler to gain immortality beyond biological existence can be realized. By resorting to the services of so-called technomages, specialists in the field of creating parallel worlds and transferring human consciousness to electronic media, tyrants get a real chance to indefinitely prolong the time of possession of power. The emergence of a Metaverse under the auspices of a tyrannical regime will not lead to the formation of free worlds with unrelated minds. Such a Metaverse will simply become a new form for the realization of the idea of cosmocracy.

Keyword: Metaverse, media dictators, avatar of cyber tyrant, digitized autocracy, immortality, technomages, cosmocracy.

Посылком для написания данной статьи послужило заявление Президента России Владимира Путина, сделанное им на международной конференции по искусственному интеллекту и анализу данных AI Journey 2021 (под патронажем Сбербанка России) 12 ноября. Он рассказал о необходимости защиты личных данных и кибербезопасности, а также о том, что наступает новая эпоха, где важное место в жизни людей займет метавселенная: «Это все поможет людям находиться рядом с другими людьми, которые живут даже на других континентах. Но напомним, что сам термин "метавселенная" три десятилетия назад предложил известный писатель фантаст, и по его замыслу люди бежали, буквально спасались в ней от несовершенства реального мира. Такой подход был бы слишком пессимистичным для нас сегодня» [8].

Обратим внимание на то, что руководитель России не счел нужным упоминать, ни имени и фамилии фантаста, ни названия самого произведения, ни того, что Метавселенная Нила Стивенсона не нуждалась ни в какой внешней защите. Ведь в его постсовременном мире государства мало чем отличались от корпораций, а мафия занималась доставкой пиццы. Да и главный герой протагонист и хакер, а не руководитель, на худой конец, одной

из корпораций. Киберпанк показывает, как на фоне технологического процесса происходит деградация человеческой культуры и, соответственно, системы политической организации миропорядка.

По мнению Ричарда Рорти, в «Лавине» («Грохот снега» – буквальный перевод с английского названия романа «Snow Crash») показан мир лишенный вдохновляющих образов, где нет и намека на чувство гражданственности, социальный протест, но есть «удрученное молчаливое согласие с закатом американских надежд» [9, 14]. И это как бы понятно, так как киберпанк близок к антиутопиям.

Поэтому стоит вспомнить об ином подходе к технологической конвергенции человека, представленном идеями трансгуманистов. Согласно их ожиданиям человечество приближается к очередному переломному моменту в биосферной и социальной истории. Хотя назначение конкретных дат и выглядит более чем сомнительным действием, эволюционные трансгуманисты активно предсказывают наступление к середине XXI века некой сингулярности. Хотелось бы верить, что это не будет появлением «черной дыры», хотя идея ускорения эволюционных процессов выглядит вполне здоровой. В основании воззрений трансгуманистов лежит идея улучшения человека благодаря современным технологиям, возможности переноса сознания на искусственные носители, использование крионики. Всё это должно способствовать продлению жизни человека, что, на наш взгляд, имеет особое значение для тиранов, позволяя им реализовать мечту древнеегипетских фараонов или первого древнекитайского императора Цинь Шихуанди, править вечно. Программы по развитию разума и критического мышления едва ли могли их заинтересовать. Эта избирательность, пожалуй, самая характерная черта в поведении современных авторитарных правителей.

Известно, что Марк Цукерберг, глава компании Facebook Inc (теперь это Meta), планирует уже к середине 2020-х годов запустить Метавселенную, сделав ее действующей моделью как бы в трех измерениях-реальностях: виртуальном, дополненном и смешанном. В современной России эти идеи

готов продвигать руководитель Сбера Герман Греф. И вот тут мы находим различия в суждениях. Например, Греф Г.О. довольно откровенно в свое время высказался о том, что люди должны быть ограничены в своих возможностях анализировать информацию и самостоятельно принимать решения: «Как только все люди поймут основу своего "Я", самоидентифицируются, управлять, то есть манипулировать ими будет чрезвычайно тяжело. Люди не хотят быть манипулируемыми, когда они имеют знания. В иудейской культуре каббала, которая давала науку жизни – она три тысячи лет была секретным учением. Потому что люди понимали, что такое снять пелену с глаз миллионов людей и сделать их самодостаточными. Как управлять ими? Любое массовое управление подразумевает элемент манипуляции» [6].

У М. Цукерберга, похоже, совершенно иная цель. Его интересует процесс смены поколений и, соответственно, возвышения миллениалов: «Сегодня многие важные институты нашего общества все еще не делают достаточно для решения проблем, с которыми сталкиваются молодое поколение: от изменения климата до беглых расходов на образование, жилье и здравоохранение. Но поскольку миллениалы и все больше членов молодого поколения могут проголосовать, я ожидаю, что это начнет стремительно меняться. Я ожидаю, что к концу этого десятилетия больше институтов будут управлять миллениалами, и будет разработано больше стратегий для решения этих проблем с долгосрочными перспективами» [12]. Не менее интересны его выводы о грядущей децентрализации возможностей людей.

То есть, внешняя принимаемая парадигма та же, а вот вкладываемое содержание кардинально отличается. Это, заметим, свойственно для поведения новейших автократий, стремящихся показать свою приверженность передовым цивилизационным трендам. Ведь им ближе архаические представления, палеоконсерватизм и нежелание допускать изменений в реальности, грозящих утратой властных позиций. Поэтому и речь президента В. Путина можно было бы расценивать, как озвучивание

текста «по случаю». В ней ни слова не было сказано об исповедуемой современной российской властью защите духовно-нравственных ценностей и приоритете «духовных скреп». Достаточно посмотреть на документ, рожденный в недрах Министерства культуры, где нет ни малейшего упоминания роли современных технологий в формировании современного облика страны и социума. Чиновниками от культуры предлагается сценарий для дальнейших действий, где современным информационным технологиям отводится довольно примитивная роль транслятора предписанных свыше норм. Поэтому в перечень источников угроз традиционным ценностям был включен пункт о недопустимости реформ в области информационной деятельности, проводимых без учета традиций [7].

Для оценки такой позиции нужны уже не рассуждения о той же грядущей сингулярности и наступлении новой эпохи, а тех, кто активно этому противодействует. Одним из наиболее консервативных институтов в России выступает православная церковь – РПЦ. Занимая вспомогательное по отношению к авторитарной власти положение, она принимает на себя роль духовного пастыря, но при этом не обладает духовной свободой. Можно вспомнить рассуждения на эту тему глубокого христианского мыслителя прот. Сергея Булгакова: «Не существует никакой внутренней и нерушимой связи между православием и тем или иным политическим строем, а потому православные могут иметь разные политические взгляды и симпатии» [2, 341].

В нашем случае, речь идет об установке на симфонию с властями, которая детерминирует и закрепощает возможности Церкви по ее изменениям в соответствии с духом времени. Да, разумеется, есть требование сохранения догматических основ, но есть и понимание того, что тоже богословие есть результат человеческой мысли. Именно борьба против свободной мысли выступает как система оценок, рассматриваемых в авторитарном государстве как проявление недопустимого инакомыслия. Поэтому идея информационной цивилизации в ее либерально-демократическом понимании и порицается, но

как бы игнорируется использование тех же информационных технологий при авторитаризме.

В качестве примера приведем рассуждения священника Андрея Горбунова, считающего Марка Цукенберга и ему подобных создателей дублирующих реальный мир пространств, пособниками сатаны: «Построение "цифрового мира", о котором сейчас так много говорится подчиненными темным силам "цифровыми евангелистами", проповедующими глобальную цифровизацию, биометризацию и чипизацию, и в котором человек превращается в управляемый некоей глобальной компьютерной системой объект, – это построение сатаной своего, "нового" мира, а точнее – антимира» [3].

Не менее ригористичны ур-патриоты из «Изборского клуба», зависшие в «культурном шоке» и не желающие «принимать современный мир». Со слов Виталия Аверьянова: «Нам нельзя принимать современный мир! Его нужно направлять, к нему нужно найти подход, как находит укротитель зверей подход к своим питомцам. Вот в чем разница. А просто принять динамику современного мира – это значит быть пассивным и в конечном счете перестать быть собой» [4].

То есть, пусть всё новое, если от него нельзя отказаться, будет суверенным, своим, лишь бы только сохранялись традиции и тот особый закрытый мир с его духовными скрепами. Не исключено, что писателю Владимиру Сорокину удалось увидеть воочию воплощение идеала такого особого мира в своем романе-антиутопии «День опричника» и сборнике фантастических рассказов «Сахарный Кремль». Он показал абсурдный мир возрожденного средневековья в отдельно взятой стране. Это, несомненно, подделка или симулякр под времена Иоанна Грозного, когда опричники творили суд и расправу над рабами высокого и низкого звания, холопами великого царя.

Могущество и процветание репрессивной России, дистанция между сакрализацией власти и бедностью, выглядят как общий метадискурс

деспотического государства. Как отмечает Дирк Уффельман, этот метадискурс вырастает на фоне непрекращающейся борьбы с западным дискурсом, а «централизация культуры в нарисованной им России 2027/2028 года оставляет позади даже аналогичную политику в СССР 1930-х годов. Пресса здесь сводится к трем газетам, а курение официально запрещено. Радикальное отличие от советского режима, которое зато перекликается с образовавшимся в 2000-е годы союзом российских властей и Русской православной церкви, состоит в том, что государство заботится и о церковной цензуре: "Не богохульствуй!". Дистопический мир 2027/2028 года – результат успешного применения модели, основанной на антиреволюционной триаде, сформулированной в XIX веке Сергеем Уваровым: "Православие, самодержавие, народность"» [10].

Поэтому вполне естественным оказывается для этого закрытого мира использование электронных средств не для организации горизонтальных связей, а для ведения неусыпного контроля за подданными. Этот аспект накладывает свой отпечаток на те идеи, которые принимаются с оговорками, даже если это касается тех же «духовных скреп». Во всяком случае, традиционалисты также сталкиваются с сопротивлением административно-бюрократического аппарата, когда пытаются навязать «скрепы для власти». Автократические правители не желают, чтобы их считали отсталыми ретроgrадами. Более того, сами автократии уже не связаны со следованием прежним формам организации господства и подчинения.

Согласно информационной теории Сергея Гуриева и Дэниела Трейсмана диктаторы выживают теперь не с помощью силы и идеологии, а благодаря убеждению населения в своей незаменимости и компетентности. Автократии теперь лучше приспособлены к миру с прозрачными границами, даже притворяться демократиями, имитируя выборы и исповедуя не масштабную идеологию, а просто поддерживая коллективную неприязнь к западному миру. Указывается, что многие из «автократов нового стиля пришли к власти на выборах и сумели сохранить демократический фасад,

тайно подрывая политические институты. Вместо того чтобы сажать в тюрьму тысячи людей, они нападают на активистов оппозиции, преследуют и унижают их, обвиняют в сфабрикованных преступлениях и поощряют их эмиграцию. Когда эти автократы убивают, они стремятся скрыть свою ответственность» [11, 100].

Интерес представляет идея о том, что благодаря использованию СМИ и электронных средств достигается не только эффект популярности правителя, но и вера в их исключительную компетентность. Практически это может означать, что любой, даже посредственный человек, может быть превращен в харизматическую личность. То есть, формируется образ медийного тирана, альтернативы которому *a priori* нет, а все конкуренты могут быть объявлены завистливыми и зловредными ничтожествами.

Вместе с тем, стоит заметить, у такого типа автократии резко повышаются расходы, когда приходится содержать не только репрессивный аппарат, силовиков, чиновников, квазиоппозицию, слуг, но и медийных жрецов и техномагов. И если медийных жрецов можно рассматривать на предмет их появления еще в прошлом веке, то именно техномаги набирают сегодня силу и уже в недалеком будущем могут занять ведущее положение. Именно они создают Метавселенные, а значит, способны обеспечить будущее правителей, стремящихся достигнуть искомого бессмертия. Здесь мы допускаем оговорку в духе Артура Кларка и его закона, гласящего, что развитые технологии неотделимы от магии [5].

Как известно, все разговоры про биологическое долголетие пока не привели к реальным практическим результатам. Ждать же, как говорится, вот-вот, немного осталось, для людей с воспаленным эго и неутолимой жаждой власти, слишком мучительное состояние. Они не могут отказаться от грядущей возможности, но гарантий им никто дать не может, а наука с ее вечными поисками и сомнениями ничего конкретного не обещает. Инертность мышления характерна не только для обывателей и как гласит Первый закон А. Кларка: «Когда выдающийся, но уже пожилой учёный,

заявляет, что какая-либо идея осуществима, он почти всегда прав. Когда он заявляет, что какая-либо идея неосуществима, он, вероятнее всего, ошибается» [5, 37-38].

Поэтому, создание параллельных миров и выглядит в виде возможного решения проблемы, которое можно получить довольно скоро. И если вернуться к выступлению В.В. Путина 12 ноября 2021 года, то его заявление о защите личных данных и аватар обретает в этом аспекте понятный смысл. Всем, кто думает о фантастичности такого рода идеи, следует задуматься о тех последствиях, к которым она может привести в случае ее реализации. Перенос сознания на электронного носителя – аватара, позволит правителю забыть о неумолимо тикающих «часах жизни». Новые возможности расширяют сферу влияния, создавая необходимые условия по превращению мира в одну единую тотальность. Так будет достигнуто тотальное господство и создан искусственный мир тоталитарного режима с универсальной, перефразируя Ханну Арендт, административной и террористической машинерией [1, 578]. Без этого тирану не обойтись, так как приходится помнить, что и на бога Крона нашелся Зевс. Ведь дело здесь не только, как считала философ, в не утоляемой «жажде власти», а в цели последовательного установления «лживого мирового порядка» [1, 582].

Так что «защита» аватар имеет принципиальное значение еще до того момента, как мы смогли попасть в первую Метавселенную. Ведь это будет та самая игла, сломав которую, мы сможем прервать жизнь уже совсем не былинного Кощея Бессмертного, а заодно и покинуть созданный им мир. Хотя, надо оговориться сразу, это не прогноз, а лишь некая цепочка из идей, которые могут однажды прорваться в реальный мир, как это происходит с предсказывающей будущее фантастикой.

Тем более что речь в нашем случае идет не о появлении чего-то неизвестного, а о формировании новой или дополненной реальности в духе известных представлений о космократе. Эти представления Россия заимствовала еще у Византии, преемницей которой начинает считать себя

после падения Константинополя в 1453 году. Тогда же возникла и идея Третьего Рима, ставшая внешней формой для легитимации самодержавия. Внутреннее начало было сформировано уже как «монгольское наследство», определившее право правителя по отношению к подданным, превращения их в слуг и рабов. Характерно, что даже первый опыт европеизации Московии, который приписывается Петру I, не изменил этой конструкции. Поэтому и не думается, что российская Метавселенная окажется иной.

Список литературы

1. Арендт Х. Опыты понимания, 1930 – 1954. Становление, изгнание и тоталитаризм / пер. с англ. М.: Изд-во института Гайдара, 2018. 712 с.
2. Булгаков С.Н. Православие: Очерки учения православной церкви. М.: Терра, 1991. 416 с.
3. Горбунов А., священник. Антивселенная или антимир сатаны? // Livejournal / URL: <https://shabdua.livejournal.com/8661458.html> (Дата обращения: 10.02.22).
4. Информационный суверенитет и диктатура Интернет-монополий (на круглых столах Изборского клуба) // Изборский клуб / URL: <https://izborsk-club.ru/15470> (Дата обращения: 10.02.22).
5. Кларк А. Черты будущего. М.: Издательство «Мир», 1966. 287 с.
6. Крайний А. «Любое массовое управление подразумевает элемент манипуляции»: Греф добрался до школьников // KM.RU / URL: <https://www.km.ru/v-rossii/2020/03/18/sberbank/872107-lyuboe-massovoe-upravlenie-podrazumevaet-element-manipulyatsii-g> (Дата обращения: 08.02.22).
7. Минкульт России составил реестры традиционных ценностей и чуждых идей // Медуза» (СМИ признано в России иноагентом). 25.01.2022 / URL: <https://meduza.io/feature/2022/01/24/minkult-rossii-sostavil-reestry-traditsionnyh-tsennostey-i-chuzhdyh-idey> (Дата обращения: 12.02.22).
8. Путин поделился мнением, как должна развиваться метавселенная // РИА Новости / URL: <https://ria.ru/20211112/metavselennaya-1758839502.html> (Дата обращения: 08.02.22).
9. Рорти Р. Обретая нашу страну: Политика левых в Америке XX столетия / пер. с англ. М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. 128 с.
10. Уффельманн Д. Дискурсы Владимира Сорокина // CoolLib. Бесплатная электронная библиотека / URL: <https://coollib.net/b/552199-dirk-uffelmann-diskursyi-vladimira-sorokina/read> (Дата обращения: 13.02.22).
11. Guriev S., Treisman D. Informational Autocrats // Journal of Economic Perspectives. 2019. Vol. 33, № 4. P. 100–127.

12.Zuckerberg Mark // Facebook. 10.01.2020 / URL:
https://www.facebook.com/zuck/posts/10111311886191191 (Дата
обращения: 12.02.22).